

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1 (14), 2014

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Полывянный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

**РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:**

- Д. И. Полывянный**, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карпова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Ермолаева Н. Л.** О мифологических сюжетах и образах в романе И. А. Гончарова «Обрыв» 3
Холодова З. Я. Историософская концепция М. М. Пришвина в свете идей Ф. М. Достоевского 8
Цветков Ю. Л. Лирика Артура Шницлера в контексте австрийской литературы 18
Киселёва И. С. Интеллектуальное игровое поле радиопьесы Фридриха Дюрренматта «Вечер поздней осенью» 27

Языкознание

- Карпова О. М.** Специальные словари языка Шекспира: современные тенденции развития 32
Бабаева Р. И. Маркеры персуазивности в немецкоязычных политических лозунгах (На материале австрийских предвыборных плакатов) 38
Григорян А. А. Сексизм в современном английском языке: виды и тенденции 44
Комарова Е. А. *L'étranger* d'Albert Camus: une expérience de l'interprétation du texte 50
Лаврентьева Н. Г. Основные акцентные модели английских бинарных терминологических словосочетаний, функционирующих в языках для специальных целей 54
Маник С. А. Идеология и перевод (На примере общественно-политических текстов) 58
Ополовникова М. В. Лингвокультурологическая характеристика метафоры в немецких и русских народных загадках 62
Таганова Т. А. Этностереотип: лингвистический и лексикографический аспекты 72

Рецензии

- Денисов К. М.** Важная веха в создании новой научной дисциплины: первичные постулаты терминологии 78
Хроника 82
Сведения об авторах 84
Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 86

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 1 (14), 2014

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 362

tel./fax (4932) 32-66-00

e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription

in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can be found on
the web-sites www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2014

CONTENTS

Study of Literature

Ermolaeva N. L. On mythological subjects and images in I. A. Goncharov's novel «The Precipice» 3

Kholodova Z. J. M. Prishvin's historiosophic concepts related to Dostoyevsky's ideas 8

Tsvetkov Y. L. Arthur Schnitzler's lyrics in the context of Austrian literature 18

Kiseleva I. S. Intellectual playground in Friedrich Durrenmatt's radio play «Late autumn night» 27

Linguistics

Karpova O. M. Specialized Shakespeare dictionaries: modern tendencies of development 32

Babaeva R. I. The markers of persuasiveness in political slogans in German (With regard to Austrian election placards) 38

Grigoryan A. A. Sexism in modern English: types and trends 44

Komarova E. A. *L'Étranger* by Albert Camus: an experience of textual interpretation 50

Lavrentyeva N. G. Basic accentuation patterns of English binary terminological units functioning in languages for special purposes 54

Manik S. A. Ideology and translation (The case of socio-political texts) 58

Opolovnikova M. V. Linguistic-cultural characteristics of metaphor in German and Russian folk riddles 62

Taganova T. A. Ethnic stereotype: linguistic and lexicographic aspects 72

Reviews

Denisov K. M. Important milestone in creation of new scholarly discipline: primary postulates of «termodidactics» 78

Chronicle 82

Information about the authors 84

Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin» 86

ББК 83.3(2=411.2)5-8Гончаров

Н. Л. Ермолаева

О МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТАХ И ОБРАЗАХ В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Рассматривается поединок Ивана Тушина с Марком Волоховым как сюжет о змеборчестве, мифологический подтекст «сюжетов» Веры и Райского.

Ключевые слова: волк, змей-искуситель, змея мудрая и змея похотливая, удав, лиса, птица хищная и птица небесная, орел и змея, поединок, Волх Всеславьевич и Добрыня Никитич, «змеиная мудрость» и «голубиная простота».

The article considers the duel between Ivan Tushin and Mark Volokhov as a snake-fighting plot, a mythological implication of Vera and Raisky's stories.

Key words: wolf, snake the tempter, wise and a lustful snake, boa, fox, bird of prey and bird of heavens, hawk and snake, duel, Volkh Vseslavievich and Dobrynia Nikitich, «snake's wisdom», «dove's simplicity».

Образное определение реализма И. А. Гончарова, данное ему Ю. М. Лошицем, — «мифологический реализм» — в романе «Обрыв» находит избыточное подтверждение. В произведении во множестве присутствуют архетипические образы, к которым автор обращался в «Обыкновенной истории», «Фрегате “Паллада”», «Обломове»: камень, солнце, свет и тьма, огонь, домашний очаг, омут, обрыв, берег, река, день и ночь, птица, судьба и др., а также символика растений и цветов: яблоня, роза, померанцевые цветы, лилия и др. Но если в более ранних произведениях писателя доминировали образы неживой природы, то в «Обрыве» на первом плане образы животного мира: змей, змея, кошка, птица, ящерица, лиса, волк, собака, медведь [8, с. 296]. Роман строится на актуальном для каждого христианина библейском сюжете о грехопадении, противопоставленном мифологическому мотиву «деревенского рая» [8, с. 290; 12, с. 48—59; 4, с. 137]. Сюжетные ситуации в «Обрыве» имеют в своей основе и мифологические истории, и действующих лиц фольклора славянских народов. Это «русалочий миф», образы «волка» (Марка Волохова) и «медведя» (Ивана Ивановича Тушина), их поединок [10, с. 61—62; 11, с. 203—212; 7, с. 2—9].

Фамилию Марка исследователи романа производили и от слова «волк» (В. И. Мельник), и от слова «волхв» (Ю. В. Лебедев), однако в русском фольклоре есть образ, на который, с нашей точки зрения, она указывает пря-

---

© Ермолаева Н. Л., 2014

2014. Вып. 1. Филология •

мо, — это Волх Всеславьевич. От рождения в этом герое соединено человеческое и звериное, поскольку родился он от женщины и змея. У былинного Волха и гончаровского Марка есть целый ряд родственных качеств: при рождении Волха была потрясена вся природа, как и с появлением Марка в провинции был взбудоражен весь город. Марк, как и Волх, — оборотень и охотник, он ходит с ружьем, с ним связаны в романе образы волка и змея-искусителя. Волки противостоят человеку как оборотни, нечистая сила, которую «отгоняют крестом» [14, с. 103]. Безбожник Марк проповедует свободную любовь, то есть, по сути, языческие представления об отношениях мужчины и женщины, — образ Волха ученые, в частности В. Я. Пропп, относят к эпохе дохристианской. Волха называют и великим воином, но он одерживает победы не в честном бою, как Илья Муромец, Алеша Попович или Добрыня Никитич, а хитростью, мудростью, его набеги и походы не освободительные, а «чисто хищнические» [13, с. 72, 73].

Со змеем Марка сближает змеиная мудрость, места его обитания — обрыв, река, острова на Волге (ср.: змей живет в озере, реке, колодце, болоте, лесу, пещере). Марк ведет себя не как обычные люди: спит в телеге, гуляет по ночам, проникает в жилище и выходит из него не через дверь, а через окно (ср.: змей, летающий через трубу), его появление предваряют выстрелы из ружья (ср.: шум и гром при появлении змея). Марк чаще всего сравнивается с волком. Вера говорит ему: «Прямой вы волк!» [5, с. 523]. «Определяющим в символике волка является признак “чужой”», принадлежащий нечистой силе: с «нечистыми» животными волка объединяет «слепота или слепорожденность» [14, с. 103]. Интересно, что именно в слепоте подозревает Марка Иван Тушин: «Не дурак же он, не слепой!..» [5, с. 716].

С образом Марка в роман входит один из наиболее распространенных сюжетов мирового фольклора — сюжет о змееборчестве. Его героями становятся «змей-искуситель» Марк Волохов и Иван Иванович Тушин, образ которого ассоциируется с образами русских змееборцев Ивана-Царевича и Добрыни Никитича. Основываясь на русских народных сказках и былинах, В. Я. Пропп так характеризует Добрыню: образованный человек, в ряде текстов он выступает как князь, владеющий искусством письма и разумной речи, беседы; человек «почесливый», учтивый и приветливый, основное качество которого — «беззаветная храбрость», его богатырская забава — охота. Многие из этих качеств Добрыни свойственны Тушину: образованность, дворянское происхождение, деликатность, храбрость. Сближает героев романа с героями былины то обстоятельство, что борются они за девушку или женщину, которую змей тащит в свою берлогу. Важно и то, что Добрыня не убивает змея и, по одним вариантам былины, женится на освобожденной им девушке, а по другим, как пишет В. Я. Пропп, «...возможность такого брака сознательно отвергается» [13, с. 198—199, 204—205].

В связи с поединком в русском эпосе и романе Гончарова важна еще одна деталь, возможно, сознательно обыгранная писателем и прямо указывающая на Добрыню. Это плетка в руках героя. Ее дает Добрыне мать перед поединком со змеем, плетка должна заменить ее сыну оружие. В романе Гончарова отделанный серебром бич оказывается в руках Тушина в сцене его объяснения с Верой. В тот момент, когда она называет имя Марка, Тушин «вдруг схватил свой бич за рукоятку обеими руками и с треском изломал его в одну минуту о колено в мелкие куски...» [5, с. 650]. Отправляя героя на

«поединок» с Марком, Вера предупреждает его: «Вашего бича с собой не берите!..» [5, с. 721].

«Поединок» Марка и Тушина, как и поединок со змеем, происходит «в логове змея»: на дне обрыва, на том месте, где недавно стояла полуразвалившаяся, пугавшая людей беседка, место «преступления» Марка. Кроме того, с «побежденного» Марка, как и со змея в фольклоре, «богатырь-победитель» Тушин берет обещание никогда больше не беспокоить Веру, и Марк такое обещание дает. Но Тушин не уверен в твердости слова Марка, и это тоже указывает на образ змея, который неверен своему слову, «всегда нарушает заповедь» [13, с. 201, 198].

Добрыня — патриот (на «русскость» Тушина указывает его имя — Иван Иванович) и воин, у которого есть дружина (ср.: артель Тушина, которая «смотрела какой-то дружиной»; 5, с. 737), он служит своей Родине, выступает как носитель национальной культуры и православной веры, с помощью которой — «шапки земли греческой» (но не оружия!) — и побивает змея. «Бой Добрыни со змеем — это бой христианства с язычеством» [13, с. 193]. Противостояние в романе Марка и Тушина — это четко обозначенное противостояние людей с языческим и христианским миропониманием. А если принять во внимание то обстоятельство, что Вера в романе Гончарова олицетворяет новую Россию, Россию будущего, то поединок Тушина с Марком приобретает патриотический и провиденциальный смысл.

Поединок Марка и Тушина — это и поединок «змеиной мудрости» и «голубиной простоты», с точки зрения Гончарова, необычайно актуальный для современного ему общества, в котором «основные законы и частной, и общественной жизни», основанные на «гуманности, честности, справедливости», осмеиваются новейшими теоретиками. «Змеинная мудрость» «в облике остроты» «фальшива, принарядится красным словом, смехом, ползет, как змей, в уши, норовит подкрасться к уму и помрачить его, а когда ум помрачен, так и сердце не в порядке. Глаза смотрят, да не видят или видят не то...» [5, с. 317]. Так пишет автор, имея в виду мудрость Марка, «змея» и «волка».

«Звериное» в Марке — это его страсть. От страсти к Вере страдает и Райский, наиболее близкий Марку герой. Вера называет его лисой: «Вы — лиса, мягкая, хитрая: заманить в западню... тихо, умно, изящно...» [5, с. 577]. Лисинья хитрость роднит Райского со змеей, о которой Д. Д. Фрэнгер пишет, что это «самое хитрое животное на земле» [15, с. 32]. Райский тоже змей-искуситель, наделенный «змеиной мудростью», пытающийся совратить Марфиньку и Веру. Как и Марк, Райский проповедует свободную любовь, завлекает словами об обаянии страсти и этим толкает героиню к «обрыву». Вера имеет полное право упрекнуть его: «Вы меня учили любить, вы преподавали страсть, вы развивали ее...» [5, с. 576].

Образ страсти в романе имеет животное воплощение: в многочисленных авторских сравнениях и олицетворениях она является как «огрызающийся тигр», как удав, который тянется перед Райским, «сверкая изумрудами и золотом, когда его греет и освещает солнце, и... бледнеет, ползая во мраке, шипя и грозя острыми зубами» [5, с. 547]. Этот удав «с своими острыми зубами» «выглядывает» и из Веры [5, с. 581]. Страсть — это то непознанное и неукротенное животное естество человека, которое знают в себе и бабушка, и Ватутин, и Вера, и Райский, и Марк, и Марина, и Ульяна, но которому не причастны Тушин, Леонтий Козлов, Марфинька, Викентьев. Победить в себе звериное, стать на путь духовной, нравственной жизни и любви, пойти по

пути, пройденному бабушкой, — в этом призвание Веры и Райского. Освободившись от страсти к Марку, Вера «глядела... как ползет теперь мимо ее этот “удав”, по выражению Райского, еще недавно душивший ее страшными кольцами, и сверканье чешуи не ослепляет ее больше» [5, с. 700—701]. Освободившись от «удава» страсти к Вере Райский смотрит теперь на нее глазами друга и брата, и это чувство благодатно и предпочтительно для него. «Змеиное» в душе героя отступает перед талантом художника, «артиста». Об артистах же дядюшка Райского говорит: «Витают артисты, как птицы небесные» [5, с. 55]. Истинного художника Райский представляет себе человеком вольным, «как птица» [5, с. 129]. Он убежден, что «одни птицы родились для клетки, а другие для свободы» [5, с. 429]. Его собственная участь — участь свободного художника.

Образ змеи в романе имеет множество воплощений: бабушка — мудрая змея, Марина, Ульяна, Крицкая — похотливые змеи [6, с. 202—208]. Вера сравнивается одновременно со змеей и птицей. Она не просто ходит, но «скользит, как змея, с обрыва вниз» [5, с. 572], «гнездится» в старом каменном доме [5, с. 399], «уползает» в темную аллею [5, с. 576], «шипит» [5, с. 601, 686]. Вера, «как птица... точно упала с обрыва в кусты» [5, с. 463], ее «тонкие пальцы, как когти хищной птицы» [5, с. 573], впиваются в плечо Райского; «как освобожденная из клетки птица» [5, с. 604], Вера бросается навстречу Марку. Образ хищной птицы, связанный с Верой, напоминает орла. «Орел и змея — общемировые оппозиционные символы <...> полет — стремление ввысь, к солнцу, свету — добро; ползание, прятанье в расщелинах, во тьме — зло. Тем более что именно змея, не орел, угрожает человеческой жизни» [2, с. 9]. Змея «относится к животным, чья символика обнаруживает сильнейшие контрасты. Быстрая, обладающая яркой окраской, злоедающая и опасная змея вызывает почитание и отвращение» [9, с. 72].

Образ птицы тоже многозначен. Славяне образ птицы часто связывали с чем-то недобрым и нечистым: бурей, болезнью. Холеру народ представлял в образе «огромной черной птицы, летающей по ночам... Также и чуму считают летающею уткою, у которой хвост и голова змеиные, т. е. образ птицы сливают в одно представление с образом мифического змея» [1, с. 528—529]. Такой ночной, хищной, бездомной птицей является в романе Марк. «Летучий змей» в славянском фольклоре не что иное, как «воплощение громовой тучи» [2, с. 580] (ср.: Вера в романе появляется впервые во время грозы и проливного дождя).

В символике и мифологии народов мира птицы обладают «преимущественно позитивным значением», образ птицы связывается с человеческой душой, птица ближе к небу, к ангелам; «птица, борющаяся со змеей... означает преодоление низменных инстинктов посредством духовного начала» [3, с. 215—216]. В сознании Веры происходит именно такая борьба, духовное начало в этой борьбе одерживает верх. Автор намеренно противопоставляет в Вере змеиное и человеческое: после пережитой драмы она подходит к Райскому «не прежним ползучим шагом, не с волнующимся при походке станом, а тихой, ровной поступью» [5, с. 712]. Из хищной ночной птицы Вера превращается в птицу райскую, подобную Марфиньке. Слова Веры о том, что она разлюбила Марка, не может быть счастлива с ним, «бабушка слушала, притаив дыхание, как пение райской птицы» [5, с. 708]. Теперь Вера сравнивается с лилией [5, с. 711]; в христианстве этот цветок является символом «чистой, девственной любви <...> змеи избегают лилий, которые издают улаждающий сердце запах» [3, с. 149].

Таким образом, действие в романах Гончарова часто основывается на мифологическом сюжете (миф об Эдипе, миф о змеборчестве, мифы об отношениях небесных светил: солнца, луны, кометы) или на сюжете библейском (история грехопадения). Подобного рода сюжетные схемы просматриваются в произведениях и современников Гончарова: И. С. Тургенева (история блудного сына в «Дворянском гнезде» и «Дыме»), Н. А. Некрасова (история блудного сына в «Саше», «Тишине», лирике), А. Н. Островского (история бедной девушки, выданной за немилрого и постылого чуж-чуженина в «Бедной невесте», история похищения девушки разбойником в «Не в свои сани не садись», история соблазненной и покинутой в «Бесприданнице» и др.), А. А. Потехина (история согрешивших и проклятых родителями героев в пьесе «Суд людской — не Божий», рассказ о несчастье от украденного добра в драме «Чужое добро впрок нейдет»), А. Ф. Писемского (история окаянного человека, преследуемого роком в «Горькой судьбине», история о злой мачехе и непокорном сыне в «Плотничьей артели») и т. д.

Гончаров, как и многие его современники, использует в своих произведениях архетипические образы, актуализируя закрепленные за ними в народном сознании значения, разрабатывая новые. Архетипические образы являются в сравнениях и олицетворениях, к которым автор возвращается в произведении снова и снова. Увязав однажды такой образ с тем или иным героем, он постоянно использует осмысленные в народной культуре качества этого архетипа для характеристик героя. Многозначность образа, подчас противоположные друг другу значения, связанные с ним в народном сознании, дают возможность художнику показать духовную эволюцию героя. Александр Адуев из героя, не принимающего холодную, мертвящую материю камня в начале романа, постепенно сам превращается в подобие камня. Похожую эволюцию претерпевает и образ Обломова, который тоже связан с образом камня. Вера в ходе романа отказывается от качеств хитрой, изворотливой, таящейся, лживой и мстительной змеи, превращаясь в змею мудрую и в ее противоположность — лилию. Обуреваемая страстью Вера сравнивается с хищной птицей, раскаявшаяся — с птицей райской. Духовную эволюцию переживает и Райский, которого Вера называет хитрой лисой. Райский исполняет при героине роль змея-искусителя, но в конце романа отдается служению искусству и уподобляется «птицам небесным». Развитие архетипических образов в романах Гончарова непосредственно увязано с развитием сюжета, они как бы приобретают свой «сюжет», какого не предполагалось за этими образами в народной культуре.

Библиографический список

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Индрик, 1994. Т. 1. 804 с.
2. *Афанасьева В. К.* Орел и змея в изобразительности и литературе Двуречья. М. : Водолей Publishers, 2007. 468 с.
3. *Бидерман Г.* Энциклопедия символов. М. : Республика, 1996. 334 с.
4. *Гейро Л. С.* «Сообразно времени и обстоятельствам...» : (творческая история романа «Обрыв») // И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М. : Наследие, 2000. С. 83—183. (Лит. наследство ; т. 102).
5. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 2004. Т. 7. 702 с.

6. *Коптева О. А.* Образ змеи в романах И. А. Гончарова // Филологические штудии : сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. Вып. 9. С. 202—208.
7. *Лебедев Ю. В.* Над страницами романа И. А. Гончарова «Обрыв» : статья вторая // Литература в школе. 1995. № 5. С. 2—9.
8. *Лоциц Ю.* Гончаров. М. : Мол. гвардия, 1986. 352 с.
9. *Луркер М.* Египетский символизм. М. : Ассоциация духовного единения «Золотой Век», 1998. Кн. 9. 184 с. (Символы).
10. *Мельник В. И.* Народ в творчестве И. А. Гончарова : (к постановке вопроса) // Русская литература. 1987. № 2. С. 49—62.
11. *Мельник В. И.* О религиозности И. А. Гончарова // Русская литература. 1995. № 1. С. 203—212.
12. *Недзвецкий В. А.* И. А. Гончаров и русская философия любви // Русская литература. 1993. № 1. С. 48—59.
13. *Пропт В. Я.* Русский героический эпос. Л. : ГИХЛ, 1958. 572 с.
14. Славянская мифология : энцикл. слов. М. : Эллис Лак, 1995. 416 с.
15. *Фрэзер Д. Д.* Фольклор в Ветхом завете. М. : Политиздат, 1985. 511 с.

ББК 83.3(2=411.2)6-8Пришвин

З. Я. Холодова

ИСТОРИСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. М. ПРИШВИНА В СВЕТЕ ИДЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Исследуется историософская концепция М. М. Пришвина в свете идей Ф. М. Достоевского о христианстве и социализме. Созданные Достоевским образы интерпретируются с учетом новых исторических условий в «потанном дневнике» и в художественных произведениях Пришвина.

Ключевые слова: историософия, христианство, социализм, личность, «потанный дневник», художественное творчество.

The article investigates Prishvin's historiosophic concept related to Dostojevsky's ideas of Christianity and socialism. Dostojevsky's characters are interpreted corresponding to new historical circumstances. The author's analysis is based on the materials of Prishvin's fiction and «hidden» diaries.

Key words: historiosophy, Christianity, socialism, personality, «hidden» diaries, fiction.

Многие страницы дневника М. М. Пришвина занимают внутренние диалоги с Ф. М. Достоевским — постоянным спутником в его духовных поисках на протяжении десятилетий. Пришвин вспоминает Достоевского, размышляя о человеке и мире, о христианстве и социализме, развивает его идеи, обращается к созданным им образам, интерпретирует их с учетом новых исторических условий, причем не только в своем «потанном дневнике», но и в художественных произведениях. Идеи и образы Достоевского «высвечивают» подлинную сущность политиков, государственных деятелей, писателей. Закономерно, что осмысление Пришвиным творческого наследия Достоевского, «величайшего гения», выразившего «всю жизнь русского народа» [19, с. 160], единственного из русских романистов, кто «взял общественное дви-

жение за главный предмет своего творчества» [24, с. 39], способствовало выработке его оригинальной историософской концепции.

Показательно, что духовные поиски и самого Пришвина, и писателя-мыслителя Достоевского шли, по сути, в одном направлении: от увлечения социалистическими идеями к убеждению о возможности гармоничного мироустройства лишь при реализации христианской идеи этического равенства всех людей. Оба они прошли через участие в политических сообществах, аресты и тюрьмы. Правда, наказание было несоразмерным: Достоевскому за участие в кружке социалиста-утописта М. В. Петрашевского были уготованы каторга и солдатчина, а Пришвин за пропаганду марксизма среди рабочих после тюремного заключения был выслан на три года на родину. Достоевский пережил процесс «перерождения убеждений» (по выражению Л. И. Шестова) на каторге, где понял, что «отдельные лица, хотя бы и лучшие люди, не имеют права насилловать общество во имя своего личного превосходства; он понял также, что общественная правда <...> коренится во всенародном чувстве, и, наконец, он понял, что эта правда имеет значение религиозное и необходимо связана с верой Христовой, с идеалом Христа» [24, с. 42].

«Переворот от теории к жизни» у Пришвина произошел во время его учебы на философском факультете Лейпцигского университета (см.: [12, с. 366]). Он увлекся философией Ницше, Бергсона, Вл. Соловьева, русских «космистов». Сходный путь — «от марксизма к идеализму» — прошли многие из тех, с кем он общался в начале века. В отличие от большей части русской интеллигенции к Февральской революции Пришвин отнесся настороженно, октябрьский переворот он не принял. В литературной газете «Россия в слове» (приложение к эсеровской «Воле народа»), редактором которой он являлся, 29 октября 1917 года было опубликовано апокалиптическое «Слово о гибели Земли Русской» А. М. Ремизова. И в статьях самого Пришвина, одного из активнейших публицистов 1917—1918 годов, «ярко выступают мотивы протеста против самозванного захвата власти <...> и против насилия» [23, с. 150].

Открыто выражено неприятие существующего миропорядка в очерках и рассказах, созданных в годы революции. В рассказе «Голубое знамя» (1918) — о купце, арестованном по ошибке и сошедшем с ума от страха, — отражено лично пережитое Пришвиным во время тюремного заключения в начале 1918 года и четко обозначена его позиция. Мастерски создан образ революционного Петрограда — страшного, пустынного: «...всюду стрельба и такие лица у людей, что заглянуть страшно»; «А старинный страх... нашептывает: “Вдруг это и есть такая настоящая правда и такая новая жизнь сложится до второго пришествия?”» [10, с. 164]. Купцу кажется, что «наперекор всему новому, красному, как бы голубым знаменем раскинулось старое» [10, с. 163]. Смысл символики голубого знамени проясняет запись о разговоре с сыном: «Я ни за белых, ни за красных. <...> ...Я за человека стою, у меня ни белое, ни красное, у меня голубое знамя. — Голубое! Вот хорошо, голубое, голубое! — Это голубое, как небо над нами, и на голубом золотой крест. — Какое особенное знамя, как хорошо, а винтовочку мне дашь? — Мы будем действовать словом, не пулями, мы слова найдем такие, чтобы винтовки падали из рук, это очень опасные слова, нас могут за них замучить, но слова эти победят» [12, с. 288].

Писатель высказывает христианские идеи. Так, в статье «Порождение ехидны» читаем: «Если даже и сбудется обещание: народу будет в изобилии

дан хлеб, земля и мир этими людьми, захватывающими престол властителей, все равно настоящий избранник народный скажет им:

— Порождение ехидны!

Потому что наш народ верует, исповедует, что не единым хлебом жив человек» (Воля народа. 1917. 28 окт.) [9, с. 105].

Встречаются и отсылки к Достоевскому. «Убивец!» — так названа статья о Ленине, «голом воре» и преступнике, действующем «по логике Раскольникова»: «В оправдание своего поступка большевики обыкновенно говорят: “А вы разве не той же силой действовали, когда свергали царя?” Логика Раскольникова, — по существу ответить невозможно на этот вопрос» (Воля народа. 1917. 31 окт.) [9, с. 106—108]. Вновь к этой мысли писатель вернется через три года: «А в “Бесах” нет Ленина (Раскольников ближе)» — и поставит для себя задачу «пересмотреть всего Достоевского для уяснения Ленина (Иван Карамазов и Смердяков)» [13, с. 107]. По Пришвину, «в Иване Карамазове повторяется “Преступление и наказание”, только сложнее дело и преступник раздвояется на эмигранта и уголовника (как в действительности). Черта Ивана: вспыхнув для действия, внезапно охладевает (понял!)» [13, с. 24]. И писатель пытается разгадать «загадку сочетания эмигранта с уголовным (со Смердяковым)» [13, с. 22].

Но прав ли Пришвин, называя героя Достоевского уголовником? Скорее можно согласиться с С. Н. Булгаковым, что диалогизм Достоевского не позволяет однозначно трактовать его образы и высказанные им идеи. Иван не только сомневается относительно обязательности нравственных норм, но думает и о слишком высокой цене прогресса, а черт — другое я этого героя, как и Инквизитор. Ключом к душе Ивана Карамазова философ считает слова старца Зосимы после разговора о церковном суде, а трагедию Ивана видит в том, что его сердце, «высшее, способное такой мукой мучиться» [3, с. 66], не может мириться с его выводами, отрицающими нравственность (см.: [2]). Несколько удивляет, что Пришвин, унаследовавший диалогический стиль от Достоевского, слишком прямолинейно трактовал его образ, видя только аморализм, идущий от безверия.

Как и Достоевский, Пришвин революцию называет «русской смутой», а в ее «лицах и целях» видит самое мерзкое явление, раскрытое классиком, — «смердяковщину». «Этот страшный тип» Пришвин, по его словам, встречал особенно часто среди комиссаров. В мае 1918 года он писал: «Смердяков — комиссар. В нашем городе главный комиссар — Смердяков: длинное, бледное лицо без волос, мутные глаза, никто никогда на лице не видел улыбки» [12, с. 76], и через два года писатель наблюдает то же самое: «Смердяков от революции: злобой утверждает свою личность — разрушитель» [12, с. 77]. «Начались Карамазовы, и так я узнаю при этом чтении Достоевского — какая остается Россия после бесов» [13, с. 18]. Предсказание Достоевского в романе-предостережении о «смуте», «снятии ста миллионов голов», рабстве девяти десятых населения, шпионстве и доносах, торжестве легиона полностью сбылось в дни «большевистского нашествия».

Осмысление романа, в котором Достоевский «изобразил интеллигентское преступление» [12, с. 265], помогает Пришвину прояснить проблемы современности. Так, образ Ставрогина наводит на мысль о причине «ужасающего, разрушительного вреда», принесенного интеллигенцией народу: в «давящей тоске» Ставрогина был «низкий потолок, не дающий выхода огромной мысли», и мысль вспыхивала «по поводу» встреч с людьми, то есть

без понимания существа дела, а результатом стала утрата духовного начала: «...царит обезьяна, осуществляя идеалы Христа. (Ставрогин — его обезьяна Петр Верховенский, Щегинин — Легкобытов, Христос и обезьяна его — поп)» [13, с. 15].

После октябрьского переворота Пришвин неоднократно писал в дневнике, в статьях и очерках, что русская революция — пародия на великое событие, потому что «человек, созданный Французской революцией в 1789 году, превратился во время русской смуты, порожденной всемирной войной, опять в состояние обезьяны» [11, с. 382]. «Жизнь общественная основана вся на соглашении человека с обезьяной, бывает бунт человека, появляется: Христос, Ничше, Достоевский, а бывает и бунт обезьяны, когда выходят высшие из них Гориллы, Орангутанг и требуют своих прав. <...> ...Коммунизм — это система полнейшего слияния человека с обезьяной, причем в угоду обезьяне объявляется, что человек происходит от нее, и вообще господствующей государственной философией объявляется материализм. <...> Трагедия состоит в том, что человек сидит в одной тюрьме с обезьяной, и разбить тюрьму значит освободить и обезьяну, которая непременно посадит потом в тюрьму человека и распнет его» [13, с. 110].

Беда большевиков, с ненавистью обрушившихся на христианство после захвата государственной власти, по мнению Пришвина, в том, что они «люди, замкнутые в кругу человеческого, только человеческого, обреченные породить обезьяну (происхождение обезьяны от человека, напр., комиссара Михенка от народн. комиссара Семашки)» [13, с. 116].

Мировоззрение Пришвина предельно четко выражено в дневниковой записи от 27 июня 1921 года. «Так ясно подхожу я к критике нашего коммунизма: принудительный коллектив есть Легион. Но я ставлю себе вопрос — мое отвращение к этому коммунизму исходит от высшего Я, т. е. от сознания истинного коллектива, или же вся критика исходит от моего неудачного жизненного положения. Ведь я чувствую, что если бы наш коммунизм победил весь свет и создались бы прекрасные формы существования, — я бы все равно не мог бы стать этим коммунистом.

Что же мешает?

1) отвращение к Октябрю (убийство, ложь, грабежи, демагогия, мелкота и проч.)» [13, с. 191].

А затем он детально анализирует «это первое, т. е. отвращение к Октябрю» в споре с самим собой, ищет веские аргументы для обоснования своей историософской концепции. Так, Пришвин отвергает личные обстоятельства как несущественную причину неприятия государственного переворота. «Кроме личного отвращения, — писал он, — у меня было еще нежелание страдания, нового креста для русских людей, я думал, что у нас так много было горя, что теперь можно будет пожить наконец хорошо, а Октябрь для всех нес новую муку, насильную Голгофу. Я бы хотел еще немного повоевать, после чего стало бы, наверно, бедным людям на Руси жить сносно» [там же]. На вопрос «другого я» о «гневе Октября», направленном против капитализма как общего врага, «порождающего мировые войны» (то есть можно ли признать правоту большевиков), писатель ответил: «Войны всегда были и всегда будут, их уничтожить невозможно принципиально, а только посредством хорошего ухода за ранеными смягчить их пришествие, ведь умирать не страшно, а очень страшно смотреть, когда умирают, и особенно без ухода, как теперь» [там же].

И после констатации «другого я»: «Вижу я, что ты не революционер, потому что так может теперь назваться лишь человек, имеющий универсальную идею обновления мира, а не только отечества своего» — следует ответ: «Да, в отношении этой революции я не имею в душе того пламени, которое соответствовало бы идее универсального обновления, и оттого я вижу только преступления; между тем я жажду истинной революции, я — чающий евангелия революции, но разве Маркс — евангелие? Я пережил Маркса в юности. И я наверно знаю, что все, верящие теперь в Маркса, как только соприкоснутся с личным творчеством в жизни, оставят это мрачное учение. Будет такое же возрождение общества, какое было со мной лично, когда сердце мое освободилось для любви к миру в его подробностях, ко всякой малой вещи в нем; эти восторги освобожденного сердца никогда не позволят мне заковать его снова схемами разума. Мне кажется, так — я на пути к своему делу, хотя оно такое до смешного маленькое, как мое писательство, между тем как революционеры все делают не свое дело — в этом, кажется, источник всех наших разногласий (не свое делают — “не знают, что творят”»)» [13, с. 191—192].

Размышляя о «формуле общественной жизни в словах мужика: “Добро перемогает зло”» и о роли большевиков в народной жизни, писатель вспомнил предавшего Христа Иуду: «Но не все же должны быть христами, кто-нибудь непременно должен его предать и распять, иначе как бы Ему прояснить свой свет на земле. Этим темным силам ведь можно и приписать явление света. Так, видно, русский народ до своего возрождения должен был испить еще чашу страдания и те, кто причиняли ему это страдание, вели его по пути возрождения». И с иронией Пришвин заключил: «Итак, хвала вам, все излюбленные эмигранты и уголовные преступники! И тебе, Иуда Искариотский» [13, с. 192].

Размышления эти получили художественное воплощение в «Мирской чаше» (1922), названной Л. Б. Троцким «сплошь контрреволюционной» [13, с. 267], настолько политически острым произведении, что впервые с купюрами его смогли опубликовать лишь в 1979 году в журнале «Север», и только в 1990-е годы повесть была опубликована полностью и признана одним из самых глубоких произведений о революции (см.: [1, 6, 7]).

Революция в «Мирской чаше» представлена в виде «мировой мистерии», окрашенной в эсхатологические тона. Революция в повести предстает как ад, в который большевики ввергли страну, а русская интеллигенция, всегда отличавшаяся тягой к «народным низам», оказалась лишней в новом обществе. Это произошло потому, что победа большевиков привела к торжеству легиона, к утрате людьми своего личного, они превратились в «рабов обезьяньих». Эта мысль была подчеркнута в первоначальном названии повести — «Раб обезьяний».

Пришвин видел, что социалисты в поисках путей к народу абсолютизировали идею, разрывая материальное и духовное. Эта мысль выражена в главе «Не хлебом единым» в споре Алпатова (alter ego автора) с Крыскиным, который во всех бедах России обвинял интеллигенцию и верил «в дело только отдельного человека» и в собственность. В его сознании главные жизненные ценности — материальные. «Зажиточный огородник из городских мещан, перебравшийся в деревню» ощущает свое превосходство над голодным учителем и уверенно заявляет: «Хлеб наша проверка. Знаете, я сам из мещан и мужиков не люблю: бык, черт и мужик одна партия, но понимаю теперь,

почему вы голодаете, а Господь нам в черную годину этот кусочек послал: хлеб наша проверка.

— Ошибаетесь, хлеб тоже имеет проверку. Христос сказал: не единым хлебом жив человек.

— Не единым? Зачем же вы лук по дороге собираете? И жили бы книжкой. В Евангелии про камни сказано, что дьявол хотел их в хлеб без труда превратить, а господь ему запретил обращаться к хлебу без труда, вот этим, мол, и будет жив человек. Антиллигенцию же черт обманул, она хочет хлеб сделать из камня посредством трактора.

— Какая же это интеллигенция, про которую вы так говорите?

— Обыкновенная: кто не сеет, не веет и при том враг себе и простому народу, а хлеб един, и о нем все заветы.

— И жив человек одним только хлебом?

— На земле жив единственно этим, а все прочее притча. Вот если бы Евангелие, как Толстой, понимать, чтобы жить на земле по притчам, то хлеб не нужен, оттого что и продолжение рода человеческого не нужно: оставь и отца, и мать, и жену. А я понимаю Евангелие как притчу об утешении и обещании на том свете жизни легкой. Я против этого ничего не имею, а на земле жив человек единственно собственным хлебом» [22, с. 402—403].

Крыскин отказывается читать «Преступление и наказание» Достоевского, мотивируя тем, что это роман об убийстве «двух старух», а после возражения Алпатова: «Вы не дочитали повести: Раскольников убил, а Достоевский это убийство осудил и учит нас вовсе не убивать» — Крыскин высказал свою позицию, полностью противоположную пришвинской — гуманистической:

«— А это еще хуже, чтобы вовсе не убивать.

— Христов завет.

— Бог с вами: такого завета у Христа не было.

— Как не было, вы не читали Евангелия.

— Я не читал? Ну нет, ошибаетесь. <...> Понимаю, что очень хорошее Христово учение; как жизнь наша здесь, на земле, тяжкая, то Господь нам дает утешение в жизни загробной: здесь потерпите, а там будет хорошо, вот и все Христово учение. Правда, Христос учил людей не убивать, но вы эту заповедь обернули по-своему и сделали из нее самое вредное дело.

— Мы?

— Вы! Во всех смутах и во все времена была виновата антиллигенция, но самая ее вредная мысль, что людьми можно управлять без насилия и казни. Да, Христос людей учил не убивать, но казнить разбойников он нигде не запрещал» [22, с. 401].

Вспомним, незадолго до октябрьского переворота Пришвин противопоставлял Достоевскому, в правоте которого был убежден, М. Горького: «Униженным и оскорбленным, которым нет и не может быть выхода материального из унижения и оскорбления, сказал Достоевский утешение: “Терпите, Константинополь будет наш, и се — буде, буде!”* И бедные люди, без выхо-

---

* Ф. М. Достоевский вкладывал иной смысл в данное выражение: у него речь идет о православной России как гаранте мира и свободы. Войну на Балканах писатель считал началом перехода слова православия в «великое дело». «С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество», но «для такого назначения России нужен Константинополь, так как он центр восточного мира» [5, с. 85].

да здесь в лучшую жизнь, страдая, любили свое отечество. Из-за чего же теперь терпеть, страдать, если выход нашелся? Всем этим людям Горький хочет прорубить окно в Италию. Толпою, как на Ходынке, ринулись униженные и оскорбленные в Италию, давят друг друга насмерть, ведут из-за этого грабежи, пожары, захваты — тому хочется новые сапоги, тому жениться и мало ли что. И все они называются большевики» [11, с. 371]. Именно М. Горького считает «философско-мировоззренческим прототипом» Крыскина А. М. Подоксёнов, достаточно убедительно доказав сходство их идейных позиций: «моральный нигилизм» в отношении к прошлому и настоящему родины, возложение вины за беды России на интеллигенцию, враждебность к крестьянству и религиозным ценностям. «Своеобразный синтез в образе Крыскина мещанского прагматизма и ницшеанского нигилизма по отношению к евангельской духовности, носителем которой была русская религиозная интеллигенция, позволил Пришвину выразить самую сущность идеологии большевизма» [8, с. 236]. А пропагандистом ее был Горький, ошибочно считавшийся самым близким Пришвину художником слова.

К Горькому очень подходит выписанное Пришвиным наблюдение Достоевского о характерной особенности русского интеллигента: «...не он владеет идеей, а им владеет идея» [12, с. 316]. Пролетарский писатель имел абсолютно неверное представление о русском народе, но был «активным человеком, желающим все в деревне переделать по-своему», а потому «враждебным деревне» [14, с. 184]. Пришвин не понаслышке знал жизнь крестьян, их запросы, настроение, психологию — он вырос в деревне, работал несколько лет агрономом, ежегодно жил в глубинке России с весны до поздней осени. Писатель не идеализировал русского мужика, относился к крестьянам, по сути, так же, как и Достоевский, желавший убедить интеллигентов: «Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. <...> Судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» [4, с. 43].

Пришвин был убежден в том, что развитие народного сознания — процесс чрезвычайно медленный, и не верил в возможность революционного преобразования жизни России. В чем именно он упрекал Горького, из дневниковой записи от 15 июня 1917 года не ясно. Зафиксирован лишь ответ Горького («А я что вам говорил, я говорил вам, какой испорченный наш народ, вы же о нем и судили по Достоевскому») и возражение ему Пришвина: «Это неправда: всеми этими материалистами, марксистами поднята только одна враждующая Русь, озлобленная, темная. <...> Нет, Горький, вы не правы. Злого духа вызываете вы сами, передовые марксисты, социалисты и пролетарии. Идея ваша ни хороша, ни дурна, но средство ваше обратить всю страну, всю нашу природу в стадо прозелитов иностранной фабрично-заводской пролетарской идеи — дурное» [11, с. 307]. В повести «Мирская чаша» отражено «реальное противоборство общественных сил революционной России», в том числе «идеологическая борьба внутри русской интеллигенции, к разным мировоззренческим группам которой принадлежали в то время Пришвин и Горький» [8, с. 237].

Заметим, Пришвина особенно занимали проблемы, волновавшие Достоевского. Так, например, постановка пьесы Л. Андреева «К звездам», флаг с надписью «Коммуна — рай земного счастья угнетенных», некультурность зрителей, вызвавшая у него негативные эмоции, натолкнули писателя на философские размышления: «“Рай земного счастья” — может быть, тут, в раю этом, мы уже и сидим, только смотрим не туда и видим не то, видим воображаемое нами <...> Соприкоснулись мимоидущий лик земной и вечная истина (Достоевский). Земной рай (земное — мимоидущее, рай — вечное). Невозможность земного рая — невозможность остановить движение. Ergo: социализм есть попытка остановить естественное движение и представить земное в абсолюте. <...> Можно соприкоснуться с вечностью, но невозможно быть в вечности, а социализм хочет быть в вечности, остановить мгновенное соприкосновение и заставить его быть. По Великому Инквизитору: эта невозможность заменяется обманом и обман тайной. А социализм — бунт земной вдвойне, и против Христа, и против церкви...» [13, с. 22].

Конечно, далеко не случайно Пришвин выписал в дневник цитату из романа Достоевского «Идиот»: «Ребячески мечтавший иногда про себя свести концы и примирить все противоположности» [13, с. 7]. В 1918 году он поставил задачу «освободиться от злости на сегодняшний день и сохранить силу внутреннего сопротивления и воздействия. Да, нужно выносить жизнь эту и ждать, что вырастет из посеянного, Боже, сохрани забегать вперед! если это необходимо, то оно, в конце концов, будет просто, легко и радостно» [12, с. 107]. Писателю диалогического типа сознания, избравшему для себя путь Слова во имя утверждения жизни, хотелось «примирить все противоположности». Он накануне диалога с советской эпохой. Подсказывает эту мысль следующая дневниковая запись: «“Идиот” Достоевского: он может отталкивать (князь Мышкин) от себя, когда представишь себе полного человека: женщина, ребенок и даже просто “обыватель” несут в себе миссию этого полного жизненного человека будущего против уединенной культуры самолюбия современного человека. Если подходить с этой точки к социализму, то тут много правды: этот полный человек у них называется “общественный человек”» [13, с. 12].

С середины 1920-х годов в дневниковых записях Пришвина нередко отражаются поиски компромисса, особенно явственно — в конце десятилетия. Так, в записи от 9 июня 1928 года можно увидеть попытку оправдать действия Ленина, вновь сравнив его с Раскольниковым: «М., как всякий образованный интеллигент, поражается убожеством личности Ленина (говорит: “Ленина сделали”). Это неправда, Ленин гениален, потому что перешел черту, которую всякий другой не смел перейти... (нажал гашетку взведенного народом курка). Ленин гениален тем, что он один посмел нажать гашетку взведенного народом курка, и потому в этом действии Ленина народ узнает свое дело, спуск гашетки, — момент превращения народного дела в личное, и в этот момент личность делается вождем народа. Раскольников у Достоевского отличается от Наполеона и Ленина только тем, что, не имея социального поручения, сам взвел курок и сам спустил, он — самозванец» [16, с. 67]. Здесь Пришвин признал, по сути, Ленина вождем и выразителем интересов народа, хотя известна и такая запись из его «потаенного» дневника: «Нагулялся по всей волюшке Ленин, расходился во всю-то головушку... все испробовано, какой там социализм!..» [15, с. 437—438].

О том, что Пришвин примирился с происходящим в стране, и речи быть не может. Так, весной 1930 года он констатирует, что жить стало еще тяжелее, чем прежде: «Бывало, все надемся: вот переможем, нажмем — и будет лучше. Главное, тогда (хотя бы при Ленине) думалось, что можно смириться, по-человечески кому-то рассказать, и поймут, и заступятся. Теперь некому заступиться. И вовсе пропади — совсем не отзовутся, потому что мало ли пропало всяких людей и пропадает каждый день. Может быть, Сталин и гениальный человек и ломает страну не плоше Петра, но я понимаю людей лично: бить их массами, не разбирая правых от виноватых — как это можно!» [17, с. 69]. В страшном 1937 году, рассказывая, что «приумолкли дикторы счастья и радости, с утра до ночи дикторы народного гнева вещают по радио: псы, гадюки, подлецы, и даже из Украины было: подлюка Троцкий. У нас на фабрике постановили, чтобы не расстреливать, а четвертовать, и т. п.», Пришвин вспомнил Достоевского, который «продолжает оставаться единственным описавшим бесов» [18, с. 455]. Истоки происходящего в современной жизни Пришвин, вслед за Достоевским, видит в истории интеллигенции, связанной с революцией.

Но вот, отвечая на вопрос, «откуда явилось это чувство ответственности за мелкоту, за слезу ребенка, которую нельзя переступить и после начать хорошую жизнь», Пришвин пришел к выводу: «Это ведь христианство, привитое нам отчасти Достоевским, отчасти церковью, но в большей степени и социалистами». Казалось бы, он пересматривает свою прежнюю непримиримую позицию, которую он занимал во время революции, говоря, что ему «трудно теперь оценить это действие большевиков, когда они брали власть, подвиг это или преступление, но все равно: важно только, что в этом действии было наличие какой-то гениальной невменяемости». По его словам, тогда интеллигенция разошлась с большевиками «только в мелочах», а теперь расхождения более значимые: «Нас разделяют “мелочи”, перешагнуть которые мы не можем без утраты своей самости. <...> Счастье на свете одно — это быть самим собой» [17, с. 270].

Писатель признался, что, внезапно просыпаясь ночью, видит «насквозь всю свою жизнь кочевника, все унижение свое, всю необходимость часто чисто рабского смирения, беспорядка, обмана и т. п.», и задает себе «вопрос: но ведь я же внес какую-то свою чистейшую лепту, пусть хоть один маленький, но современный рассказик. Ведь если бы у нас было все неправда, то не мог бы я это сделать» [18, с. 368].

Во время Великой Отечественной войны Пришвин решил перечитать роман «Бесы». Сначала он полностью солидарен с Достоевским: «В “Бесах” “общее дело” вскрыто как личное дело властолюбцев. Властолюбие как сила греха. Истоки властолюбия — самообман. Результат самообмана — общее дело» [19, с. 160]. Но задает сам себе вопрос: «А Ленин с его верой в правду “общего дела”?» И отвечает: «Сверхчеловек — у фашистов. Общечеловек — у большевиков» [19, с. 171]. И уже не удивляет, что после окончания войны, захваченный общим ликованием, он пишет: «После разгрома немцев какое может быть сомнение в правоте Ленина, и наше дело, художников, взлететь над фактами и *вообразить* или дать образы существующего» [21, с. 386]. В этих словах выражено признание заслуги большевиков в сплочении народа, в организации сопротивления врагу. О полном же согласии Пришвина с их методами «осчастливливания» народа речь не идет, да и не может идти. Но показательное, что находит оправдание компромиссу с собственной совестью,

проявившемуся в приукрашивании советской действительности в сказках о современности — ведь не случайно же он выделил курсивом слово «вообразить») и — более того — считает идеализированное изображение действительности задачей писателей.

Пришвин пытался взять на себя непосильную ношу, потому что он, как и Достоевский, мечтавший о гармоничном мироустройстве, не принимал жертву личностью в пользу коллектива. Он видел, что личность для большевиков незначима, что «коммунизм проваливается»: «Вот правда большевизма, ленинизма: государство есть механизм, долой из него человека...» [15, с. 287]. Ему нестерпимо, что за советские годы к этому все привыкли как к норме. 21 марта 1947-го Пришвин писал: «Был цветочек чудесный (какой?). Пришла коса на него: это Царь природы косил сено для своей коровы. Этот цветочек в “Медном Всаднике” — Евгений, в “Фаусте” — Филемон и Бавкида. Достоевский — за цветочек, за елку ребенка, за Евгения, за Филемона. В наше время велят закрыть на это глаза <...> Весь этот страшный вопрос для истории и морали в религии определяется жертвой и разрешается Христом <...> Новое время требует нового решения тех же вопросов» [20, с. 491].

Ответы на свои вопросы Пришвин искал, «вдумываясь» в Достоевского, у которого «природа, счастье и вся жизнь планеты и вселенной существуют как среда и условие страдающей личности» [18, с. 498]. «Когда вдумываешься в Достоевского, то ничего не остается неожиданного в современности (“без чуда”) и как будто в стороне живешь и никакой не было революции...» [13, с. 24], — записал Пришвин в дневнике в феврале 1920 года, но мог бы эти слова повторить и в конце жизни — в середине XX века.

Библиографический список

1. Борисова Н. В. Крестный путь России в повести М. Пришвина «Мирская чаша» // Собор : альм. религиоведения / Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. Елец, 2003. Вып. 3 : Православие и интеллигенция. С. 16—30.
2. Булгаков С. Н. Иван Карамазов как философский тип : (о романе Достоевского «Братья Карамазовы») // Избранные статьи : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. С. 15—45; 655—660 (примеч.).
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год, январь — апрель // Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1981. Т. 22. С. 5—135.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год, сентябрь — ноябрь // Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1984. Т. 26. С. 5—128.
6. Кожин В. В. Книга Михаила Пришвина — но не о природе, а о революции // Литература в школе. 1996. № 3. С. 34—43.
7. Подоксёнов А. М. Мировоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» : (опыт герменевтического анализа) / Белгор. гос. ун-т, Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. Белгород ; Елец, 2007. 326 с.
8. Подоксёнов А. М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века / Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. Елец ; Кострома, 2012. 334 с.
9. Пришвин М. М. Воля вольная : газетный дневник, 1917—1918 // Пришвин М. М. Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 63—230.
10. Пришвин М. М. Голубое знамя // Пришвин М. М. Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 162—167.
11. Пришвин М. М. Дневники, 1914—1917 : кн. 1. М. : Моск. рабочий, 1991. 432 с.
12. Пришвин М. М. Дневники, 1918—1919 : кн. 2. М. : Моск. рабочий, 1994. 383 с.

13. Пришвин М. М. Дневники, 1920—1922 : кн. 3. М. : Моск. рабочий, 1995. 334 с.
14. Пришвин М. М. Дневники, 1923—1925 : кн. 4. М. : Рус. кн., 1999. 416 с.
15. Пришвин М. М. Дневники, 1926—1927 : кн. 5. М. : Рус. кн., 2003. 592 с.
16. Пришвин М. М. Дневники, 1928—1929 : кн. 6. М. : Рус. кн., 2004. 544 с.
17. Пришвин М. М. Дневники, 1930—1931 : кн. 7. СПб. : Росток, 2006. 704 с.
18. Пришвин М. М. Дневники, 1936—1937 : кн. 9. СПб. : Росток, 2010. 992 с.
19. Пришвин М. М. Дневники, 1942—1943 : кн. 12. М. : РОСПЭН, 2012. 813 с.
20. Пришвин М. М. Дневники, 1905—1954 // Собр. соч. : в 8 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 8. 758 с.
21. Пришвин М. М. Из дневников последних лет // Собр. соч. : в 6 т. М. : Гослитиздат, 1957. Т. 6. С. 333—798.
22. Пришвин М. М. Мирская чаша : 19-й год XX века // Пришвин М. М. Цвет и крест. СПб. : Росток, 2004. С. 358—422.
23. Сегал Д. «Сумерки свободы» : о некоторых темах русской еженедельной печати 1917—1918 гг. // Минувшее : ист. альм. М. : Прогресс : Феникс, 1991. Вып. 3. С. 131—196.
24. Соловьёв В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В. С. Литературная критика. М. : Современник, 1990. С. 35—58.

ББК 83.3(4Авс)5

Ю. Л. Цветков

ЛИРИКА АРТУРА ШНИЦЛЕРА В КОНТЕКСТЕ АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рассматривается место лирики Шницлера в контексте австрийской прозы и драмы конца XIX века (М. фон Эбнер-Эшенбах, Ф. фон Заар, Л. Анценгрубер, П. Розеггер), а также анализируется содержательное и формальное своеобразие стихотворений Шницлера в периодике Австро-Венгрии и Германии.

Ключевые слова: критический реализм, натурализм, импрессионизм, бидермайер, моральная комедия, сентиментальный рассказ, провинциальная литература, массовая литература, стилизация, ирония, игра, сновидение.

The place of lyrics of Schnitzler in a context of the Austrian prose and the drama of the end of the XIX century is considered (M. Ebner-Eschenbach, F. von Saar, L. Anzengruber, P. Rosegger), and substantial and formal originality of poems by Schnitzler in the periodical press of Austro-Hungary and Germany is analyzed, too.

Key words: critical realism, naturalism, impressionism, Bidermayer, moral comedy, sentimental story, provincial literature, popular literature, stylization, irony, game, dream.

Драматургия и проза известного австрийского писателя Артура Шницлера (1862—1931) стали яркой страницей в истории немецкоязычного театра и литературы. Прежде заслуги Шницлера видели в том, что он был «двойником» Зигмунда Фрейда и смело распахнул двери в иррациональное пространство сознания человека. Но кроме этого, в драматическом искусстве Шницлер стал провозвестником кардинальных преобразований «игрового театра», которые заметил и активно развивал в XX веке итальянский драматург Луиджи Пиранделло. Со временем по-новому оценивается и роль Шницлера-прозаика. Его новеллы и повести не только воспроизводят подсознательные

импульсы персонажей, которые, в конечном счете, и составляют линию поведения человека, но и конструируют механизмы самоконтроля, самообмана и самозащиты личности. Поэтому вполне закономерно выдвижение писательской фигуры Шницлера, наряду с Т. Манном, Р. М. Рильке и Г. фон Гофмансталем, в первый ряд немецкоязычных писателей конца XIX — начала XX века, активно изучаемых и студентами-филологами [3, 8].

Лирика Шницлера, созданная в 1875—1912 годах, меньше знакома читателям и исследователям [13, 14]. Тем не менее нельзя оставлять без внимания стихотворения писателя, так как они составляют неотъемлемую часть его творчества. Первые стихотворения, как и драматические опыты, появились еще в гимназии. Шницлер отмечал в автобиографии, что «писал стихи не по велению сердца, а чтобы заслужить похвалу и обратить на себя внимание как на поэта» [18, S. 46]. Отец писателя, известный в Вене врач-лоринголог, в силу своей близости к театральным кругам на первых порах поощрял литературные пристрастия сына. Многие стихотворения он пересылал знакомым актерам и издателям для взыскательной оценки. Поэтому часть стихов молодого Шницлера была опубликована в журналах.

В 1880 году появилось первое стихотворение «Песнь любви балерины» в мюнхенском журнале «Der freie Landesbote», одном из многих в то время журналов «семейного чтения», далеких от общественно-политической тематики и социальных проблем времени. Традиционные рубрики журнала мало чем отличались от изданий подобного направления. Семейные, женские страницы, ребусы, загадки и письма читателей перемежались стихотворениями к праздникам и временам года. Малоизвестные поэты подражали классической и романтической немецкой литературе. Внешнее благозвучие не несло с собой оригинальности и значимости содержания. Уход в романтическое средневековье и чужестранную экзотику, а также ограниченность домашним бытом и скромными эстетическими запросами «почтенного господина» (бидермайера) полностью удовлетворяли интересы бюргеров, особенно женской его половины. Подобные журналы, а к ним можно отнести и один из самых популярных в Австро-Венгрии венский журнал «На прекрасном голубом Дунае», были типично тривиальным чтением, призванным успокоить общественно активных граждан и отвлечь от насущных вопросов времени.

Зарождающееся в 80-е годы XIX века натуралистическое движение в Германии было решительно настроено против гармонизирующего пафоса журналов семейного чтения. Молодой Шницлер не мог не прислушаться к новым настроениям и обертонам натуралистов Берлина и Мюнхена, литературные эксперименты которых диссонансом звучали в атмосфере тепличного благополучия Австро-Венгрии. Так, берлинский историк литературы О. Вольф при основании Свободного литературного объединения «Прорыв!» (1886) писал о новой «модерной литературе» в одном из программных тезисов: «Литература модерна должна изображать с безжалостной правдивостью человеческие плоть, кровь и страсти, не переходя при этом границ, установленных самим произведением искусства, напротив, усиливая эстетическое воздействие верховенством истинной природы» [21, S. 25]. Тезисы Вольфа отражали взгляды молодых, оппозиционно настроенных к существующей эпигонской литературе берлинских писателей, искавших путей обновления литературы: братьев Харт, П. Эрнста, Б. Вилле, А. Хольца, И. Шлафа, В. Бельше, Г. Гауптмана и других. Смысл литературы «модерна» в Берлине точно выражал основной пафос объединения: революционное и реформаторское искусство, необходимыми требо-

ваниями которого стали правдивость, усвоение достижений естественных наук и создание национальной немецкой словесности.

Литературная ситуация в Вене значительно отличалась от берлинской и характеризовалась историками как провинциальная. Широко известно высказывание Т. Манна о провинциализме как источнике подлинного искусства. В развитии немецкой и австрийской литературы региональные традиции не были негативными факторами, поскольку они способствовали сохранению в ней самобытно-национального начала, «своего голоса» в мощном хоре европейской и мировой литературы. Об этих тенденциях литературного процесса Австрии справедливо писал А. В. Михайлов: «...“честный провинциализм” многих крупных и мелких австрийских писателей второй половины века, по сути, не был изменой духовной традиции, лишь попыткой — нередко отчаянной — соотнести традицию с переменившейся действительностью, попыткой вернуть литературу на почву непосредственно-жизненного хотя бы ценой утраты широты, идейного богатства и поэтического полета» [4, с. 393].

Австрийская литература последних десятилетий XIX века наиболее представительна в традиционно весомых для Австрии жанрах драмы и новеллы. В них заметен синтез литературы бидермайера (драма нравственного исправления, бытовая комедия, «моральная комедия», сентиментальный рассказ [6, с. 35]), просветительской литературы (морализаторский пафос, демократизм) и критического реализма (обличение социального неравенства и господствующей морали). Австрийским писателям была близка теория «поэтического реализма» (по терминологии О. Людвига), имевшая тенденцию к идеализации, сглаживанию острых конфликтов и смягчению социально-критических мотивов, к «просветленному» колориту и «розовому флеру» [7, с. 9].

Для Петера Розеггера (1843—1918) темы и мотивы областнической литературы стали доминирующими. В более чем сорока томах романов и новелл он поэтизировал незатронутые цивилизацией тихие уголки деревенской жизни, где была сильна вера в разумность природы и человека. Многие произведения писателя носили религиозный оттенок [15]. В предисловии к своим сочинениям Розеггер отмечал, что все, о чем говорит писатель, «должно быть правдой. И, кроме того, он должен туда еще внести что-то, что возвеличивает и умиротворяет, ибо если искусство не прекраснее жизни, то оно теряет всякий смысл» (цит. по: [5, с. 18]).

Напротив, с подчеркнутым критицизмом изображала в новеллах нравы и порядки высшего света Вены Мария фон Эбнер-Эшенбах (1830—1916). Аристократы в ее произведениях порочны и циничны. Люди простого происхождения становились жертвами их эгоизма и развращенности — «Он покорнейше благодарит» (1894), «Сжечь, не распечатывая» (1901), «Примерный ученик» (1909). В творчестве Эбнер-Эшенбах ясно звучит тема народной жизни. Проводя лето в деревне, писательница могла познакомиться с положением австрийского крестьянства, защитницей интересов которого она выступала в «деревенских новеллах» «Крамбамбули» (1883), «Запрет» (1896) и др. Моральная деградация людей высшего сословия происходит, по мнению автора, от потери ими человеческого тепла и сердечности: «Пути выхода писательница видит прежде всего в улучшении нравов с помощью доброго примера и своими моральными требованиями, с которыми она обращается к аристократии, наживает себе не только друзей» [9, с. 44]. Эбнер-Эшенбах создала особую разновидность малого жанра — «сентиментальный рассказ»,

задача которого состояла в том, чтобы затронуть чувства читателя и целенаправленно воспитывать его [11].

Известный прозаик Австрии Фердинанд фон Заар (1833—1906) широко представил жизнь австрийской деревни, офицерской среды, церковнослужителей и чиновников Вены. В лучших сборниках новелл «Новеллы из Австрии» (1877), «Судьбы» (1889), «Реквием любви» (1895) и «Осенний дождь» (1897) изображается пестрая жизнь различных сословий австрийского общества: несчастное супружество женщины, слишком поздно встретившей своего возлюбленного («Марианна», 1877), или трагедия музыканта, полюбившего кокотку («Реквием любви», 1895). Тема вырождения аристократических династий и изображение уклада жизни старинных замков («Замок Костениц», 1893) свидетельствовали о большой наблюдательности, хорошем знании быта и нравов прошлых эпох. Однако более примечательно то, что в новеллах Заара значительное место уделялось характеристике внутреннего мира героев, а многие его новеллы написаны от первого лица и отличаются разнообразием человеческих переживаний [16].

Австрийского драматурга Людвиг Анценгрубера (1839—1889), приверженца философии Л. Фейербаха, неслучайно называли в критике последним классиком австрийского народного театра, достойным продолжателем Й. Н. Нестроя. Прожив трудную, полную лишений и невзгод жизнь, Анценгрубер с искренним сочувствием создавал образы австрийских крестьян. Его лучшие пьесы: драма «Священник из Кирхфельда» (1870), «крестьянские комедии с пением» «Неграмотные просители» (1872) и «Червь совести» (1874), «деревенские трагедии» «Крестьянин-лжесвидетель» (1871) и «Рука и сердце» (1874), «народная драма» «Четвертая заповедь» (1877) — написаны в жанре «драмы нравственного исправления» («das Besserungsstück»), излюбленном жанре народного театра [10]. Отличительными чертами этих «моральных пьес» являются дидактичность, яркость и контрастность характеров, использование песен, мастерство остроумного просторечного диалога.

Творчество австрийских писателей, почти всех современников Шницлера, объединяет наличие значительного субъективного начала в изображении реальной действительности. Оно проявилось в создании во многом идиллической картины жизни, несмотря на значительную долю критицизма. Направляющая авторская позиция выразилась в сохранении гуманистических этических ценностей, в защите высокого человеческого предназначения. Личность в ее моральном проявлении интересовала австрийских художников слова. Отсюда пристальное внимание к психологии, богатому и своеобразному внутреннему миру героев. В целом следует констатировать, что у молодого Шницлера были все основания считать австрийских писателей современными и развивавшими традиции австрийской национальной словесности.

Венские читатели конца XIX века были весьма ограничены в выборе периодической печати. Она замыкалась в проблемах и пристрастиях эстетического свойства, что предвещало эстетизм младовенцев (Гофмансталь, Л. фон Андриан и другие), а строгая государственная цензура не допускала обсуждения политических и социальных вопросов на страницах прессы. Сходная ситуация сложилась и в Германии: «Поражение мартовской буржуазной революции 1848 года (в Германии. — Ю. Ц.) повлекло за собой длительный период политической реакции и изменило в последующие десятилетия характер самой литературы. Кончилась ее “философская” эпоха, началась эра “материализма”. В обстановке политической реакции, под влиянием

“внешней” и “внутренней” цензуры литература отошла от “злобы дня”, удалась от общественных вопросов, психологизировалась и провинциализировалась. На смену “тенденции” и “бидермайеру” приходит “бюргерский” (“поэтический”) реализм» [2, с. 10].

Публикации поэтов в журнале «На прекрасном голубом Дунае» оцениваются современными критиками как «дилетантизм эпигонов немецкой классики» [12, S. 61]. Многие ранние стихотворения Шницлера мало чем отличались от общего уровня журналов домашнего чтения. Набор расхожих романтических настроений и декораций характерен для стихотворения «О ночи в долине»:

Nächtliche Stille, duftiges Schweigen
Haucht seine Anmut ins grünende Tal,
Nebel sinken und Nebel steigen,
Silbern in Mondes verklärendem Strahl [17, S. 15]*.

Четырехстрочная строфа с перекрестной и полуперекрестной рифмой, а также тематически-композиционное и ритмико-интонационное наполнение ранних опытов Шницлера близки многочисленным стихотворениям послеромантической лирики. По мнению А. С. Бакалова, в немецкоязычной лирике, в которой, к сожалению, не было места австрийским поэтам, общим идейно-тематическим началом (проза и лирика Дросте и Мерике, Геббеля и Шторма, Келлера и Майера) являлся выбор тем и образов. Главные среди них — любовь и природа, счастье и печаль, тоска разлуки и воспоминания молодости: «На место необычного и причудливого, потрясений и экзальтаций в поэзию второй половины века вошли покой и одиночество. Уединившийся от мира герой замыкался в кругу своих чувств, уходил от шумной повседневности и обращался к языку исповеди или проповеди» [2, с. 11—12].

По желанию отца Шницлер обучался на медицинском факультете Венского университета и долгое время работал врачом-практиком и врачом-исследователем. Научные работы в области внушения и гипноза определили почти двадцатилетний этап его жизненного пути. Теме профессионального самоопределения в будущей взрослой жизни посвящены стихотворения «Прозектор» и «Весенняя ночь в анатомичке». В них противопоставляется жизнь и смерть, красота природы и ремесло врача. Лирический герой бежит из мрачного анатомического зала навстречу дыханию весны, как бы предопределяя свое намерение посвятить себя литературе и решительно отойти от семейной традиции:

Noch nehm ich den schwarzen Mantel,
Die Messer liegen bereit,
Bevor ich mein Werk beginne,
Öffn' ich das Fenster weit.

<...>

Dann richt ich empor mein Auge,
Befreit mein Busen sich fühlt,
Ein duft'ger Hauch des Frühlings
Mir Stirn und Wange kühlt (21).

Первая юношеская влюбленность Шницлера запечатлена в стихотворении «К Фанни», посвященном Фанни Мюттер. Внутреннее боре́ние лириче-

---

* Далее ссылки на издание [17] приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.

ского героя обнаруживается в сентиментально-слащавом обращении к возлюбленной, призванной спасти его от любовной болезни:

Zu einem flammend ew'gen will ich fliehen,
Aus der vergänglichen Gefühle Schwanken.
Aus dem Gewirr verstimmender Gedanken,
Rett ich zu Dir, mein süßes Lieb, mich hin (16).

До конца 1890 года журнал «На прекрасном голубом Дунае» опубликовал восемь стихотворений Шницлера под псевдонимом «Анатоль». У других стихотворений автор указан не был по причине их «фривольного» содержания. Например, в «Тайне» редакция нашла воплощение «эротической темы», опубликовав стихотворение анонимно:

Wie wir so still an einem Tische saßen,
Als hätten wir uns früher nie gesehen.
Und ganz geruhig unsern Spargel aßen,
Als wäre gar nichts zwischen uns geschehn.
Und wie sie mir — als wenn ich es nicht wüßte —
Im Flüsterton erzählten, wer Du bist,
Und ich zum Abschied Dir das Händchen küßte,
Als hätt ich Deinen Nacken nicht geküßt (29).

Издатели журнала хотели оградить читателей от пикантных коннотаций, не заметив иронического тона стихотворения, сниженной бытовой ситуации («спокойно поедали спаржу за столом»), которая приходит в противоречие с возвышенным поэтическим чувством («тайна любви»). Несомненно, что здесь дело не обошлось без влияния иронического начала гейневской лирики, отличающейся скрытым комическим подтекстом, разрушающим кажущуюся идиллию любовных взаимоотношений.

Часть стихотворений Шницлера нашла путь к читателю благодаря его дружбе с Паулем Гольдманом, одним из редакторов журнала «На прекрасном голубом Дунае», значительно омолодившим круг авторов этого издания. Шницлер смело подхватывает характерные для молодых авторов темы декадентского мироощущения: болезни, апатии, мировой скорби и всеобщего упадка цивилизации. В цикле «Песни рассерженного» он знакомит с современной «философией жизни»:

Ich glaube der Freund wär gut und rein
Tät freilich nichts als Täuschung sein.
Ich wähte mich innig tief geliebt —
Wie doch ein Traum so rasch zerzieht!
Auch meint ich einmal ich sei Poet
Nun seh ich, wie traurig es damit steht.
Hielt mich für einen Jüngling gar
Bin leider älter als meine Jahr.
Blieb alles halb, was ich ersehnt
Hab mich an schwankende Stütz gelehnt.
Wo keine Freude, kein Vertraun
Läßt sich kein Leben aufbaun.
Möchte mich gern zu was entschließen,
Bin zu wehleidig mich totzuschießen (45—46).

Традиционные человеческие ценности: жизнь, дружба, любовь и творчество — объявляются молодым поэтом обманчивыми иллюзиями. Всеобщий

скепсис и горькая самоирония лишь усиливают пессимистическую тональность «философских» рассуждений Шницлера. По мнению писателя Р. Бер-Гофмана, друга и единомышленника по кружку «Молодая Вена», цикл стихотворений представляет собой «слабую пробу пера в “нервическом искусстве”», столь характерном для зрелого Шницлера [20, S. 30].

Психологическая проницательность автора наиболее значительна в любовной лирике. Как Х. Ибсен и немецкие натуралисты, Шницлер выступает против фальши в изображении семейных отношений, за правдивое воспроизведение проблем брака, скрытых за внешним благополучием супружеских уз. Виною всему становится «игра сердца», новая тема в упорядоченной атмосфере семейного журнала. Женское легкомыслие и измены расцениваются как моральная деградация, захватывающая в свою орбиту и мужскую половину населения. В стихотворении «Признание в любви» в равной степени страдают и возлюбленная, и лирический герой:

Ja Leidenschaften gibt's, Begier und Neid
 Das andre wird von uns dazu gelogen
 Spräch ich heut anders, wahnst Du Dich betrogen,
 Und fliehst vor meiner Unbeständigkeit.
 Ja, könntet Weiber Ihr die Wahrheit hören,
 So sagt ich kühn: der Neid und die Begier
 Sie ziehen mich allmächtig hin zu Dir.
 Das wär so meine Art von Liebeschwören (48).

Анатоль — автор этих признаний, жуир и сердцеед, доверяет только своим ощущениям и тем самым утверждает свою эгоцентрическую позицию, не лишённую самоанализа и самокритики. Тема падшей женщины, последовательно разрабатываемая в зрелом и позднем творчестве Шницлера, обусловлена общественно-политическими особенностями развития Вены и наследием исторического прошлого:

Ergebung heißt die Tugend.
 Bald schau auch die, wie Ihr, in Ruh
 Dem ewigen Kampf der Straße zu
 Und seufzen: kranke Jugend (54).

Однако отдельные стихотворения на эти темы не меняют общего направления журнала. Шницлер не поднимается над общим средним уровнем издания, открыто подражая Г. Гейне, Н. Ленау, Ф. Дану и многим другим, в том числе и современным поэтам. По ироническому подтексту Шницлеру ближе всего Г. Гейне. В своем дневнике 1882 года молодой австрийский поэт оставил следующую запись: «Дома я еще, к несчастью, читал Гейне» [19, S. 124]. Несомненно, что Шницлер ориентировался в первую очередь на рифмо-ритмические особенности поэзии немецкого классика:

Ich dacht es sei zu End einmal
 Mit wahrer Liebe bitter Qual.
 Nur heitern Liebeleien
 Wollt ich mich fürder weihen.
 Zu schmerzlich durch der Sinne Glut
 Flog jenes ersten Wahnsinns Glut
 Nun wollt ich scherzen, lachen,
 Wo früher Herzen brachen (41).

Легкость и непринужденность гейневских интонаций создавали настроение превосходства над всеми несчастьями этого мира и формировали беззаботный и эгоистичный образ лирического героя, который постоянно возвращался к самому себе, даже если существовали диалогические отношения между возлюбленными. За беспечной улыбкой молодого человека в стихотворении «Начало конца» скрываются холод и цинизм:

Ich will ja morgen wiederkommen
Mit lächelndem Gesicht
Und daß ich längst Abschied von Dir genommen
Mein Mädels, Du weißts ja nicht (65).

Как и в гейневских стихотворениях, у Шницлера присутствуют иронические концовки, играющие роль «холодного душа», уничтожающего всякую возвышенность любовного чувства. В «Утренней молитве» происходит превращение пылкой возлюбленной в «просто служанку»:

Wie hab ich Dich gebenedeit,
Wie hoch emporgehoben,
Von einer neuen Jungfräulichkeit
Den Glanz um Dich gewoben.

<...>

Mein süßes Mädels lagst Du hier
Und bist nun eine Dirne
Es blinkt der fahle Morgen Dir
Im Goldhaar auf der Stirne (62—63).

В целом следует сказать, что поэтический талант Шницлера был весьма скромным и не выходил за рамки современной ему провинциальной литературы. Строго оценивал себя и автор, хотя досадовал, если журналы отклоняли его опыты. В одном из стихотворений, не опубликованном в сборниках, Шницлер писал о себе: «Мое сомнительное “Я” довольствуется затасканными лирическими суррогатами, многочисленные трещины на мне самом штопаются эпигональным хламом» (цит. по: [12, S. 70]). При всей иронической наполненности лирики Шницлера в ней сохраняются традиционные «бледные лучи луны», «майские вечера», «тихие ночи», «зеленые луга» и «прекрасные девы».

К началу 90-х годов Шницлер отказывается от поэтического творчества, создавая лишь «стихотворения на случай». Его лирический талант существенно отставал от прозаического и драматического. Однако лирика Шницлера вводит читателя в своеобразный художественный мир поэта: постоянное разрушение любви меланхолической рефлексией, ревностью или неверностью; отсутствие морализаторского начала и авторской оценки; шутка, властвующая над чувством; романтическая ирония. Стихотворения Шницлера, несмотря на значительную их несамостоятельность, позволяют заглянуть в творческую лабораторию юного писателя. Традиционно критика относилась к писателям-импрессионистам, понимая под импрессионизмом не столько «художественный стиль или даже метод», сколько мировосприятие, философию, жизненную позицию в широком смысле слова [1, с. 158].

Важно, что авторское субъективное восприятие жизненной реальности Шницлером окрашивало ее индивидуальными чертами ярко и необычно. Ресурсы личностной энергии черпались автором из внутренних переживаний, изломов психики и подсознания. Шницлер использовал в своем творчестве

собственные наблюдения и случаи из практики в клинике, из которых возникали сюжеты его произведений. В них он обнаружил знание психологии, пытаясь показать не столько мир скрытых желаний, о чем писал З. Фрейд, сколько конфликт между «я» и обществом, разлад между близкими людьми, а также ощущение одиночества и страха перед жизнью и смертью. Анализ чувств и ощущений человека сопровождался различными формами погружения в область иррационального. Одной из таких форм концентрации внутреннего конфликта человека с миром станет сновидение, широко представленное в дальнейшем творчестве Шницлера — новеллы «Фрау Берта Гарлан» (1900), «Предсказание» (1904), «Барышня Эльза» (1924), «Новелла сновидений» (1926).

Библиографический список

1. Андреев Л. Г. Импрессионизм. М. : Изд-во МГУ, 1980. 250 с.
2. Бакалов А. С. Немецкая послеромантическая лирика. Самара : Изд-во Самар. гос. ун-та, 1999. 152 с.
3. Козюкова О. В. Артур Шницлер. «Лейтенант Густль» // Зарубежная литература XX века : практические занятия / под ред. И. В. Кабановой. М. : Флинта : Наука, 2007. С. 135—145.
4. Михайлов А. В. Австрийская литература // История всемирной литературы. М. : Наука, 1991. Т. 7. С. 393—400.
5. Путинцева Т. А. Предисловие // Австрийская новелла XIX века. М. : Гослитиздат, 1957. С. 3—22.
6. Слободкин Г. С. Венская народная комедия. М. : Искусство, 1985. 223 с.
7. Фрадкин И. М. Немецкая литература между двумя революциями, 1848—1918 // История немецкой литературы. М. : Наука, 1968. Т. 4. С. 5—12.
8. Цветков Ю. Л. Экзистенциальное измерение венского модерна // Цветков Ю. Л. Литература венского модерна : постмодернистский потенциал. М. ; Иваново : МИК, 2003. С. 293—359.
9. Шифферер Б. Женщины Вены в европейской культуре. СПб. : Петербург XXI век, 1996. 152 с.
10. Anzengrubers Werke : in 2 Bd. Berlin ; Weimar : Aufbau Verlag, 1971. Bd. 1. 355 S. ; Bd. 2. 445 S.
11. Ebner-Eschenbachs Werke : in 1 Bd. Berlin ; Weimar : Aufbau Verlag, 1972. 338 S.
12. Fliedl K. Arthur Schnitzler : Poetik der Erinnerung. Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 1997. 567 S.
13. Lederer H. Arthur Schnitzler als Lyriker // Festschrift für Werner Neuse. Berlin : Die Diagonale, 1967. S. 94—103.
14. Nehring W. Rez. zu: Arthur Schnitzler. «Frühe Gedichte» // The German Quarterly. 1971. № 44. S. 607—608.
15. Rosegger P. Ausgewählte Werke : in 6 Bd. Wien : Hartleben, 1928—1930.
16. Saar F. von. Requiem der Liebe und andere Novellen. Bremen : Dieterich, 1988. 668 S.
17. Schnitzler A. Frühe Gedichte. Berlin : Propyläen Verlag, 1969. 86 S.
18. Schnitzler A. Jugend in Wien : eine Autobiographie. Frankfurt a. Main : S. Fischer, 1981. 380 S.
19. Schnitzler A. Tagebuch, 1879—1892. Wien : Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987. 488 S.
20. Arthur Schnitzler — Richard Beer-Hofmann : Briefwechsel. Wien : Europa-Verlag, 1992. 349 S.
21. Thesen der Freien literarischen Vereinigung «Durch!» // Die literarische Moderne / hg. v. G. Wunberg, S. Dietrich. Freiburg i. Br. : Rombach Verlag, 1988. S. 23—26.

ББК 83.3(4Шва=432.4)6-8Дюрренматт

*И. С. Киселёва***ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ПОЛЕ РАДИОПЬЕСЫ
ФРИДРИХА ДЮРРЕНМАТТА «ВЕЧЕР ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ»**

Рассматривается вопрос о реализации игрового начала в радиопьесе Ф. Дюрренматта «Вечер поздней осенью». В ней представлены различные уровни игры, между которыми существуют разные виды отношений, что указывает на построение интеллектуального игрового поля, которое является жанровым признаком *интеллектуальной комедии игры*.

Ключевые слова: игра, игровое поле, комедия, игровые уровни.

The paper is focused upon the realization of game pattern in Friedrich Durrenmatt's radio play «Late Autumn Night». Various game levels are found to be connected with different types of interrelations. This is analyzed as the manifestation of the basic game pattern which can be taken as a representative feature of the *intellectual game comedy* genre.

Key words: game, game pattern, comedy, game levels.

Фридрих Йозеф Дюрренматт (1921—1990) — известный швейцарский прозаик, публицист, драматург и художник-экспрессионист. Весьма обширную часть его драматургического наследия составляют комедии. Дюрренматта можно с уверенностью назвать мастером интеллектуальной комедии игры. Игровую природу своего театра автор нередко сам подчеркивал в теоретических работах, таких как «Заметки о комедии» («Anmerkungen zur Komödie»), «Проблемы театра» («Theaterprobleme»).

Прежде чем приступить непосредственно к изучению игрового поля сатирической радиопьесы «Вечер поздней осенью», следует сказать несколько слов об эстетике Дюрренматта-комедиографа. Дюрренматт отводил комедии особое место как единственному жанру, который наиболее беспристрастно может отразить ужасные противоречия кровавого XX столетия. Он писал: «Трагедия обнажает вину, нужду, меру, перспективу, ответственность. Но в мясорубке нашего столетия, в этом дурдоме арийской расы, нет виноватых, нет тех, на ком лежала бы ответственность. Никто не мог ничего поделать, и никто этого всего не хотел. Вина теперь может быть только личным переживанием, только религиозным актом. Нам осталась лишь комедия» [3, S. 62].

И эта беспристрастность взгляда на действительность, выявление ее внутренних противоречий и конфликтов достигается, по мнению Дюрренматта, с помощью той игровой дистанции от реального мира, которую комедия может выстраивать в противовес другим драматургическим жанрам.

Трагедия, наоборот, разрушает дистанцию, она даже миф преподносит как обыденную реальность, а комедия способна создать подчеркнута игровое, фиктивное пространство, где мир эмпирический противопоставлен миру искусственному. Мир понарошку — это идеальное место для постижения смысла реальности [4, S. 445]. Такой подход берет начало в шутовской карнавальной стихии, где правда о реальности выясняется и высказывается именно в игровом пространстве. Кроме того, Дюрренматт создает в своих комедиях своего рода очуждение, когда берет изображаемое в игровые кавычки и за-

---

© Киселёва И. С., 2014

ставляет зрителя расценивать происходящее на сцене как некий интеллектуальный пазл. Вместе с тем он, пишет исследователь Герхард Кнапп, «умышленно подчеркивает свое отличие как от классицистической драматургии, так и от Брехта. Объективность его искусства не достигается как у Брехта очуждением <...> Наоборот, это должно достигаться посредством противопоставления игры и реальности. “Сцена представляет собой для меня отнюдь не поле для теорий, мировоззрений и высказываний, она — инструмент, возможности которого я пытаюсь познать в процессе игры на нем”, — пишет Дюрренматт» [5, S. 58].

Соответственно теоретическим положениям Дюрренматта, основным приемом в его комедиях является игра в игре. Игровая дистанция от действительности выстроена в большинстве его пьес. Так, действие комедии «Ромул великий» (1948), имеющей подзаголовок «Исторически недостоверная комедия», разворачивается в подчеркнута условной, даже неправдоподобной Римской империи, главный герой радиопьесы «Авария» (1956) попадает в компанию веселых пенсионеров, которые вовлекают его в игру в судопроизводство, Клара Цеханассьян — главная героиня знаменитой комедии «Визит старой дамы» (1955) — навязывает жителям городка Гюллен жестокую игру, ставка в которой — жизнь Илла, героя комедии. Физики в одноименной комедии (1961) находятся в сумасшедшем доме и живут в своем мире... Внешним действием всех этих пьес в той или иной мере является игра.

Особое место в драматургии Дюрренматта принадлежит его радиопьесам. Их около десятка. Действие, декорации, излюбленная Дюрренматтом балаганная зрелищность — все это заменяется в данном случае дискурсивным уровнем. Если его комедии, написанные для сцены, Ю. Архипов не берется назвать «интеллектуальными в том смысле, какой пристал пьесам Сартра <...> потому что для Дюрренматта важен игровой, чисто зрелищный, восходящий к балагану момент в театре» [1, с. 483], то его радиопьесы представляют собой блестящие образцы произведений, где внутреннее действие (аспект «автор — изображаемое»), основной конфликт и идейное содержание выявляются на дискурсивном уровне соответственно жанру интеллектуальной пьесы.

Комедия-радиопьеса «Вечер поздней осенью» («Abendstunde im Spätherbst») была написана в 1956 году и в том же году поставлена радиокомпанией «Norddeutsche Rundfunk», в 1959-м награждена высшей международной премией за радиодраматургию, а на русском языке была впервые опубликована в газете «Известия — Неделя» за 1967 год (№ 8) в переводе Л. Большенцовой.

Это пьеса об искусстве, ее главным действующим лицом является прославленный писатель, лауреат Нобелевской премии, почитаемый как публикой, так и великими писателями-современниками романист Максимилиан Фридрих Корбес. Обращает на себя внимание тот факт, что перед нами игра в игре, а именно пьеса в пьесе. После того как Корбес написал 22 нашумевших криминальных романа, он задумал радиопьесу. Он находится в процессе ее написания, поэтому называет себя автором, хотя именно себя делает и главным героем пьесы. В первую очередь Корбес тщательно описывает место действия и условные декорации: шикарнейший номер в дорогом отеле, рабочее место писателя, где среди бумаг и письменных принадлежностей нашлось место для кинжала и пистолета. Затем создает свой собственный портрет: «...толстый, загорелый, небритый. Голова большая, лысая. Мои отличительные черты: жестокость, готовность на все, пьянство. Как видите, я честно

передаю общее мнение, которое обо мне сложилось» [2, с. 323]. Далее следует описание его довольно неопрятной одежды. В гостиницу к Корбесу проникает некий посетитель, который представляется как бывший бухгалтер Фюрхтеготт Гофер. Выйдя на пенсию, он увлекся частным сыском и творчеством Корбеса. Более десяти лет Гофер был незримым спутником писателя в его путешествиях и выяснил, что 22 убийства, с величайшим художественным мастерством описанные в книгах Корбеса, имели место в действительности. Все они остались нераскрытыми, но Гофер провел расследование и узнал, что их совершил сам Корбес. Оказалось, что в романах прославленного писателя нет вымысла, их герой — толстый, лысый, вечно пьяный человек, не знающий сострадания, — и есть автор. Он убивал ради удовольствия, «стремясь к утонченным переживаниям» [2, с. 330]. Теперь Гофер явился, чтобы потребовать от Корбеса денег за молчание. Тем не менее Корбес ничуть не напуган. Диалог между действующими лицами раскрывает абсурдную, парадоксальную ситуацию. Вся проделанная Гофером работа была напрасной: человечество, которому он стремится открыть глаза, уже давно в курсе, что Корбес и есть настоящий серийный убийца: «Неужели Вы думаете, что люди стали бы с такой жадностью глотать мои романы, если бы не знали, что убийства, которые я описываю, совершил я сам?» [2, с. 340]. Корбес бесстрастно раскрывает Гоферу секрет своей популярности: «Мир лишь поначалу ужасался, со временем же стал восхищаться нами именно потому, что мы чудовища. Мы поднимались все выше и выше по социальной лестнице, и на нас стали смотреть как на высшие существа. Общество не только признало нас, но и стало превозносить наш образ жизни. Мы стали идеалом миллионов — люди, которые могут себе позволить все. В то, что писатель работает над языком и формой, верят только критики. Настоящая литература не занимается литературой, она должна удовлетворять вкусы публики» [там же].

Корбес ссылается на авторитеты и называет имена Верлена, Рембо, Бодлера, Эдгара По. Главной заслугой Корбеса общество считает именно то, что он придал убийству и пороку «красоту и величие» [2, с. 329]. Соответственно замыслу пьеса имеет циклический характер. Корбес убивает Гофера, но не потому, что он боится огласки, а для того, чтобы заполучить очередной сюжет. Он говорит своему секретарю, что его гость, очевидно, оказался сумасшедшим поклонником и что он якобы выбросился с балкона. Затем писатель усаживается за свой письменный стол и начинает работу над новой пьесой, описывает гостиничный номер, себя и случай с посетителем.

В своем докладе «Писатель как профессия», прочитанном в Берне в 1956 году, Дюрренматт попытался осмыслить роль писателя в современном западном, а именно швейцарском, обществе. Он прямо указал на экономический аспект профессии и на то, что тот, кто хочет выжить, должен иметь успех. В связи с этим автора занимает такое явление, как духовная свобода, о которой столь часто говорят. «Свобода: так как наш общественный порядок требует духовной свободы, мы привыкли, что речь идет о свободе творчества писателя <...> Считается, что западный писатель свободен, а восточный, наоборот, раб. Духовная свобода превратилась в основной, не подлежащий сомнению аргумент против коммунизма...» [3, S. 58]. Как раз о границах такой свободы и условиях успеха писателя у публики и идет речь в исследуемой пьесе. Острие сатиры Дюрренматта направлено на понимание свободы как освобождения человека от каких-либо нравственных принципов, а также на искусство, условием успеха которого становится открытие перед челове-

ком возможностей наслаждаться пороком без всяких ограничений, тешить низменные стороны существа людей. Похваляющееся свободой в таком своеобразном смысле общество созрело до возведения серийного убийцы в герои. Корбес так говорит о своих читателях: «Они хотели видеть меня во все более отвратительных ситуациях. Они хотели вместе со мной пережить все, что запрещено. Так я стал многократным убийцей. И что бы потом ни случилось, все приносило мне успех. Вам не удастся убедить ни один суд мира, потому что мир хочет меня видеть таким, какой я есть. Думаете, Вы первый? Жаждающие мести матери, жены, мужья, сыновья — все уже не раз бросались к адвокатам. Но едва только они пытались начать процесс, как прокуроры, министры, даже главы государств выступали на мою защиту ради искусства» [2, с. 341].

С точки зрения построения персонаж Дюрренматта напоминает героя повести А. П. Чехова «Драма на охоте» Ивана Петровича Камышева, описавшего в своей книге убийство, совершенное им самим. Но Корбес — фигура преувеличенная, он совершил 22 убийства, но не осуждается, а, наоборот, возвеличивается обществом и являет собой воплощение стремления современного искусства превратиться в источник низменных наслаждений для людей, потерявших нравственные границы. Он убивает ради искусства — вот страшный парадокс успеха у публики.

Не менее любопытен образ Фюрхтеготта Гофера. Для творчества Дюрренматта вообще характерен мотив возмездия, неожиданно приходящего к преступнику. Самым ярким персонажем-символом такого воздаяния по заслугам является образ Клары из комедии «Визит старой дамы». Для прозы Дюрренматта это тоже не менее важный мотив. В данном случае стоит упомянуть Ганса Берлаха, героя детективного романа «Судья и его палач» и повести «Подозрение». Комиссар Берлах — персонаж-сыщик, отмеченный героическим началом. Он выступает как неутомимый защитник справедливости. Несмотря на свою старость и слабость, он не боится один на один сразиться с опасными преступниками. Берлах неумолим и непреклонен в своей борьбе со злом, на страницах романа он сравнивается с Дон Кихотом.

Фюрхтеготт Гофер тоже сопоставляет себя с Дон Кихотом. Однако ничего героического в его образе нет. Он скорее пародия на таких персонажей, как комиссар Берлах. Поначалу еще можно подумать, что он является борцом за справедливость, несмотря на его жалкий и потрепанный вид, однако эта иллюзия быстро рассеивается. Когда он рассказывает о своем колоссальном расследовании, то постоянно повторяет жалобы на стесненное материальное положение. Наконец становится понятно, к чему он клонит: оказывается, его приход к Корбесу продиктован не возмущением против безнаказанности серийного убийцы и не стремлением его разоблачить, а всего-навсего желанием урвать для себя немного от его состояния. Гофер предстает банальным шантажистом, который требует денег за молчание. Наиболее ярким ироническим моментом в пьесе является имя этого героя. Фюрхтеготт означает «боясь Бога», а фамилия Гофер происходит скорее всего от слова «Hoff» — «двор». Этаким доморожденный ангел мести. Имя это тоже должно подчеркнуть, что приход Гофера с его смехотворным разоблачением — пародия на приход возмездия. Не похож он и на современного Дон Кихота. Он и не думает бороться за справедливость, а ситуация, в которой человек принял романы за действительность, оказалась перевернутой: Корбес описывал реальные истории. Единственное, в чем у Гофера наблюдается сходство с Рыцарем печального образа, так это в том, что он безнадежно отстал от жизни. Гофер

смешон не только тем, что решил напугать Корбеса наказанием. В этом он, как видим, не был первым. Бесспорное первенство принадлежит ему в подходе к личности и творчеству убийцы. Он удивляет писателя тем, что рассмотрел его произведения с точки зрения уголовной. Корбес говорит: «Меня толковали с точки зрения психоаналитической, католической, протестантской, экзистенциалистской, буддистской, марксистской, но никогда еще не трактовали так, как это пытаетесь сделать вы» [2, с. 328].

Побояться Бога Корбес не может в принципе, тем более он не боится закона. Фюрхтеггт Гофер жалок в своей беспомощности. В конце пьесы он зовет на помощь, перед лицом опасности немедленно отказывается от всех своих притязаний, готов уйти, но поздно: у Корбеса уже родился план нового сюжета.

Таким образом, в пьесе представлены различные уровни игры, между которыми существуют разные виды отношений, что указывает на построение интеллектуального игрового поля. Так как перед нами радиопьеса, дискурсивный уровень доминирует. Уровень комедийной интриги строится на основе излюбленного приема Дюрренматта — «игра в игре», который обуславливает субъектно-объектные отношения. Этот уровень, в свою очередь, находится в подчиненном положении по отношению к рецептивному. Рецептивный уровень представлен рядом случаев, в которых слушатель создает горизонт ожидания, что придает истории детективный характер. Благодаря этому мы готовы принять за субъект игры Гофера, в то время как он вопреки ожиданию оказывается жертвой. Корбес как субъект — творец искусственной игровой реальности может быть рассмотрен лишь отчасти, так как он хоть и пишет книги, но является настоящим убийцей и ничего не придумывает. Итак, перед нами интеллектуальная комедия игры.

Библиографический список

1. *Архипов Ю.* 14 тезисов к Фридриху Дюрренматту // Дюрренматт Ф. Комедии. М. : Искусство, 1969. С. 480—503.
2. *Дюрренматт Ф.* Комедии М. : Искусство, 1969. 510 с.
3. *Dürrenmatt F.* Theaterprobleme // Dürrenmatt F. Werkausgabe : in 30 Bd. Zürich : Verlag der Arche, 1980. Bd. 24. S. 60—78.
4. *Greiner B.* Die Komödie. Tübingen ; Basel : A. Francke Verlag, 2006. 528 S.
5. *Knapp G. P.* Friedrich Dürrenmatt. Stuttgart ; Weimar : Verlag J. B. Metzler, 1993. 227 S.

ББК 81.432.1-4

О. М. Карпова

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ ЯЗЫКА ШЕКСПИРА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена описанию принципов построения мега-, макро- и микроструктуры специальных шекспировских словарей, регистрирующих и обрабатывающих определенные слои лексики из сочинений писателя. Особое внимание уделяется лексикографическому анализу справочников эротической, уничижительной и оскорбительной лексики, встречающейся в произведениях Шекспира. Подробно рассматриваются способы лексикографической разработки указанных групп лексики, анализируются информационные категории словарных статей специальных словарей.

Ключевые слова: словарь, справочник, энциклопедия, национальная лексикография, макроструктура, микроструктура, мегаструктура, имена собственные, лексика, Шекспир.

The paper deals with description of specialized Shakespeare dictionaries architecture, i.e. their mega-, macro- and microstructure peculiarities with special reference to lexicographic treatment of definite groups of words: erotic, bawdy, low-flown words from the writer's literary works. The focus is made on information categories repertoire of the entry lines, which illustrate the lexical groups under study.

Key words: dictionary, reference book, encyclopedia, national lexicography, macrostructure, microstructure, megastructure, proper names, lexis, Shakespeare.

Специальная английская лексикография исторически сформировалась почти одновременно с созданием общих толковых словарей английского национального языка [1, с. 32]. Под специальными словарями понимаются справочники, регистрирующие и обрабатывающие определенные слои лексики, объектом описания которых являются термины, имена собственные, иностранные и новые слова, фразеологизмы и другие подобные группы лексики.

В шекспировской лексикографии также представлены различные типы специальных справочников: терминологические, эротической и любовной лексики, оскорбительной или уничижительной лексики, произносительные словари (главным образом для театральных актеров). Представляется интересным рассмотреть некоторые справочники более подробно, поскольку их мега-, макро- и микроструктура имеют свои особенности и заслуживают подробного лексикографического анализа.

Словари эротической и любовной лексики Шекспира

Особый интерес для шекспироведов, безусловно, представляют словари, регистрирующие и обрабатывающие любовную и эротическую лексику из сочинений писателя. Среди них *A Dictionary of Sexual Language and Imagery in Shakespearean and Stuart Literature* [11], *A Dictionary of Shakespeare's Sexual Puns and Their Significance* [8] и множество других. Обилие словарей данной группы неслучайно: тема любви превалирует во многих пьесах Шекспира, особенно комедиях. Кроме того, многие произведения Шекспира наполнены примерами игры слов (word play), которая для любовной и эротической лексики весьма характерна. Многие сцены пьес Шекспира не всегда находили полное понимание у его современников, для читателей наших дней они тем более требуют комментариев.

Долгое время единственным авторитетным словарем, посвященным лексикографическому толкованию любовной лексики, был справочник *Shakespeare Bawdy*, составленный известным английским лингвистом Э. Партриджем [6]. В словаре заложены основы лексикографического описания непристойностей эротического характера, созданных Шекспиром, которые впоследствии стали объектом разработки в новых специальных словарях.

Одним из наиболее признанных справочников является изданный в 1989 году словарь *Shakespeare's Erotic Word Usage* Дж. Веба и М. Фила [10]. Его авторы подчеркивают в предисловии, что, несмотря на наличие компетентного и известного лексикографического исследования Э. Партриджа [6], они нашли новые грани в этом непросто мире шекспировского словоупотребления, сосредоточив свое внимание на самом словаре, и прежде всего на его микроструктуре, где реализована установка на контекстную полноту примеров:

CHEEK(S) Symbolic of beauty and an object of delight to the lover: (heaven in your *cheek*' *Troil.* IV. Iv. 117; AYL. III. Ii. 134-5. Lover's caresses, venereal signs, etc: 'Had I this *cheek* / To bathe my lips upon' *Cymb.* I. Vi. 98-9; 'there's language in her eye, her *cheek*' *Troil.* Iv. V. 55; MND. Iv. I. 2; *Ham.* III. Iv. 183; *Wint.* I. Ii. 285; *Ven.* 45, 59 (etc.) Traditional flower analogue, the rose; hence *cheek-roses*, the colour of youthful flesh, the suffusion of blood in the cheeks, signifying bashfulness, a symbol of verginity: *Meas.* I. Iv. 16-6.

Введение в специальный лингвистический словарь таких дополнительных информационных категорий, как контекстуальная иллюстрация ко всему творчеству и отдельным произведениям Шекспира, которая принята в общих писательских словарях, выгодно отличает данный справочник от других словарей этого типа:

BED (BOSOM) *Fig.* Denoting tenderness, intimacy, nursing: 'my bosom as a bed, shall lodge thee' *Gent.* I. Ii. 114-5; 'Here was thy father's bed, here is my breast' *Ven.* IV. Iv. 5 ff.

В отличие от многих глоссариев такого рода, здесь приводятся цитации в каждой словарной статье:

ELM... She has embrac'd this body, and grown to it as close as the hot youthful wine to the *elm*' *Woman - Hater*, III. I; *Err.* II. Ii. 173. Prov: see **VINE**.

На рубеже XX—XXI веков появился новый словарь эротической лексики из произведений Шекспира. Интересно отметить, что его автор адресовал свой справочник... школьникам! В этой связи он написал в предисловии: «The only innocents have been those schoolchildren, dubiously raised on texts like

The College Shakespeare. In which... the words and expressions are omitted which cannot with propriety be read before young students. Such expurgated texts were the norm during the first half of this century, to foster children's belief in the purity of the eminent. As the great author, how could Shakespeare resort to vulgarity?» [12, p. I]. Таким образом, составитель справочника доказал, что даже в области лексикографирования эротической и любовной лексики следует принимать во внимание прежде всего адресат словаря.

Поскольку во времена Шекспира отношения между мужчинами и женщинами были более свободными, не всегда на первый взгляд обычные слова понимались даже носителями языка адекватно, например:

conversation sexual intercourse. In *R3* III.v.30, Richard condemns Hastings's 'conversation with Shore's wife'.

Необходимо отметить, что в отличие от составителей других словарей автор данного справочника весьма ответственно отнесся к лексикографической разработке каждой входной единицы, опираясь на традицию написания словарных статей в толковых словарях языка писателя. Он внес в микроструктуру такие информационные категории, как этимологическая помета и цитата:

oeillades amorous glances (Fr.) Regan (*LrQ*xix.25=IV.iv.25) complains that her sister 'gave strange oeillades and most speaking looks To noble Edmund'. In *MWW* I.iii.53, Falstaff flatters himself that Mrs Page 'gave me good eyes too, examined my parts with most judicious oeillades' (these 'good eyes' are evidently the earlier C20 'glad eye'; cf. **carve**). He adds (58): 'she did so course o'er my exteriors, with such a greedy intention, that the appetite of her eye did seem to scorch me up like a burning-glass' Cf. **ranging**.

С появлением новых текстологических исследований и переводов произведений Шекспира на современный английский язык в третьем тысячелетии стали создаваться другие справочники, объектом исследования которых являлся слой любовной и эротической лексики. Среди них явно выделяется *A Dictionary of Shakespeare's Sexual Puns and Their Significance* [8]. Его мегаструктура включает несколько разделов: *Acknowledgements, Preface to the Second Edition, Introduction, Guide to the Use of the Dictionary, Abbreviations, Dictionary, Supplement, Bibliography, Index to Characters*. В словарных статьях принят многосторонний подход к описанию значений слов. При этом отмечу тот факт, что многие слова, которые кажутся читателю знакомыми, нередко имеют свое специфическое значение, например:

Linguist A linguist is a man of more than one tongue. Such a man can also be (1) a deceiver (*MND*, III.ii.72: 'with doubler tongue/Thanthine, thou serpent, never adder stung'); (2) an intimate kisser as in Plautus, *Comedy of Asses*, 690: a man asks the courtesan to kiss him, saying, 'make a reptile of me and let me have a double tongue in my mouth'.

AW, IV.iii.265. Parolles is a 'linguist': he is a double-talker and deceiver. It is likely this is also bawdy punning on his sexual practices, for he is a 'manifold linguist' and 'manifold' is the intestines or bowels (*OED*). Cf. *KL*, II.i.49: 'with how manifold... a bond/The child was bound to the father'-the bond of the bowels, as in *MM*, III.i.29 ('thine own bowles, which do call three sire') and Gen 15:4 ('he that shall come forth of thine bowles shall be thine heir').

Parolles is an apologist, an arse-kisser, or, as he was called 15 lines earlier, a 'both-sides rogue' (BOTH-SIDES), hypocrite and pederast; a 'cat' (prostitute — F&H) whose 'offences' (OFFENCES, fornications) are 'many'- a *manifold* linguist

(see TWO-FOLD). The only other 'linguist' in Sh is the bisexual Valentine (PERFECTION, *TGI*).

Статьи, выстроенные подобным образом, приобретают черты текста другого типа — эссе, этюда и т. п. Похожую ситуацию наблюдаем и в случае со словом *heavy*, где заметно расширяются границы словарной статьи для внесения новой информации:

Heavy Pregnant, 'great with young' (*OED*).
R3, I.iii.231: 'Thou slander of thy mother's heavy womb!'
 See TWELVE, *Ado*; HEART, *Ado*.

В следующем примере наблюдаем эротическую окраску слова:

Promise *Puttaneggiare*: promise carelessly, not keep one's word, play the whore (F).

AYL, iv.i.43: 'Break an hour's promise in love?' The HOUR/ whore pun (K) was made in ii.vii.26.

Cor, i.viii.2:

Marcus. I do hate thee

Worse than a promise breaker.

Aufidius. We hate alike:

Not Afric holds a serpent I abhor...

Необходимо отметить, что словари эротической и любовной лексики нового поколения во многом способствовали как более точным переводам произведений Шекспира на иностранные языки, так и лучшему пониманию текстов произведений писателя нашими современниками, поскольку смогли раскрыть тонкие нюансы значений этой важной группы лексики.

Словари оскорбительной лексики из произведений Шекспира

Объектом исследования специальных слоев лексики Шекспира неоднократно была оскорбительная и уничижительная лексика, чаще всего называемая в словарях, посвященных ее описанию, *Shakespeare insults*. Этот слой шекспировского словоупотребления лексикографически описан в ряде многообразных по принципам построения словарей: *Shakespeare's Insults: Educating Your Wit* [4], *Shakespeare's Insults. A Pragmatic Dictionary* [9] и даже специальных календарях с одноименным названием [5, p. 80].

Вышедший в свет в 1991 году словарь *Shakespeare's Insults* [4], на мой взгляд, является лучшим примером справочника, регистрирующего и обрабатывающего этот слой шекспировской лексики. Его мегаструктура имеет три части: Part I: *Name Calling*; Part II: *The Plays*; Part III: *Ready Insults for Particular Occasions*. Авторы находят оригинальные способы лексикографирования входных единиц словника, предлагая новые приемы их описания, позволяющие ярче и полнее отразить своеобразие лексики. Так, все оскорбления разделены на тематические группы, например:

Dunghill groom; peeled

priest; usurping proditer; manifest conspirator; tawny coat; scarlet hypocrite; foe to citizens; wretched sinner; woeful man; high-minded strumpet; noisome stench; poor servitor; fiend of hell; deceitful dam; partaker of a little gain; improvident soldier; trull; silly dwarf; weak and writhled shrimp; bloodthirsty lord; riddling merchant; pernicious usurer; viperous worm; shameless courtesan; hag of all despite; base muleteer; peasant footboy; miscreant; hedge-born swain; presumptuous vassal;

traitorous rout; ireful bastard; giglet wench; upstart; fell banning hag; decrepit miser; base ignoble wretch; graceless, cursed drab; presumptuous dame; base and humble mind; tedious stumbling-block; contemptuous base-born callet; image of pride; false fiend; sicked spirit; meanest groom; foul offender.

Необходимо отметить, что в любом разделе представлены все слова и словосочетания, относящиеся к каждой группе:

King of codpieces;

sole imperator and great general of trotting ‘paritors; pernicious and indubitate beggar; most simple clown; foolish extravagant spirit; most profane coxcomb; whoreson loggerhead; turtle; barren practiser; half-penny purse of wit; pigeon-egg of discretion; mouse; figure pedantical; some carry-tale; some please-man; some slight zany; some mumble-news; some trencher’s knight; some Dick, that smiles his cheek in years; libbard’s head; pure wit; foolish mild man; cittern-head; Fortune’s closes-tool; head of a bodkin; death’s face in a ring; man replete with mocks; rebel’s whore; rump-fed ronyon; rat without a tail; imperfect speaker; instrument of darkness; spongey officer; infirm of purpose; Porter of Hell Gate; you equivocator; you common enemy of man; you half a soul; water-rug; demi-wolf; best o’ th’ cut-throats; grown serpent; horrible shadow; unreal mock’ry; maggot-pie; close contriver of all harms; secret, black, and midnight hag; filthy hag; you egg; young fry of treachery; infected mind; cream-fac’d loon; lily-liver’d boy; patch; whey-face; liar, and slave; clamorous harbinger of blood and death; Hell-bound; juggling fiend; coward; cruel minister; sanctimonious pirate; Madam Mitigation; tapster; parcel-bawd; tedious fool; wicked varlet; caitiff; wicked Hannibal; death’s fool; you poor worm; outward-sainted deputy; beast; faithless coward; dishonest wretch; wicked bawd; whoremaster; whoremonger; bawd-born; motion generative.

Удобным представляется разделение лексики по отдельным пьесам, что способствует быстрому нахождению необходимой справки:

All’s Well That Ends Well

Is there no military policy how virgins might blow up men?

1. 1. 119-20

[Your] virginity breeds mites, much like a cheese.

1. 1. 139

Your date is better in your pie and your porridge than in your cheek.

1. 1. 154-55

Your virginity, your old virginity, is like one of our French wither’d pears: it looks ill, it eats drily.

1. 1. 156-57

If I can remember thee I will think of thee at court.

1. 1. 184-85

You go so much backward when you fight.

1. 1. 196

Get thee a good husband, and use him as he uses thee.

1. 1. 210-11

Как свидетельствует пример, словарная статья в качестве заглавной единицы содержит оскорбительное выражение, затем следует иллюстративный пример (или цитата) из Шекспира с адресом в произведении (акт, сцена, строка).

Индекс оскорблений, которые уместны для определенных ситуаций (выражения дружбы, любви и т. д.), снабжен категориальным индексом (*category index*) и разделен на категории *love, friendship, time, etc.*

В заключение следует отметить, что словари этой серии пользуются большой популярностью у студентов, переводчиков и общественных деятелей во многих странах.

Словари Шекспира для театральных деятелей

В других современных словарях, посвященных театральным постановкам Шекспира, превалирует фонетический аспект, поскольку лексикографы стремятся решить вопрос о правильном произношении шекспировского слова при новых постановках его пьес, которые постоянно появляются не только в Великобритании, но и других англоязычных странах и нередко вызывают нарекания шекспироведов в области неправильного произношения. Одним из первых так называемых *театральных словарей* стал авторитетный справочник *Shakespeare's Theatre. A Dictionary of his Stage Context*, опубликованный в 2003 году в серии *Continuum Shakespeare Dictionaries* [7].

В XXI веке весьма актуальным в театре и кино стал вопрос о гендерном аспекте в изучении словоупотребления Шекспира. Вот почему, наряду с теоретическими работами в области исследования речи женских персонажей из произведений Шекспира, начали появляться и словари такого рода. Среди них первый специальный *гендерный словарь* под названием *Women in Shakespeare. A Dictionary* [2]. Словарь вышел в свет в Лондоне в серии *Continuum Shakespeare Dictionaries* (2010 год) и сразу же занял видное место в специальной шекспировской лексикографии.

В этой же серии недавно опубликован интересный специальный словарь *Shakespeare's Demonology. A Dictionary*, составленный М. Гибсоном и Дж. Эзра [3]. Он открывает новую страницу в изучении различных слоев лексики Шекспира, которые ждут своего исследователя.

Библиографический список

1. *Карпова О. М.* Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Академия, 2010. 176 с.
2. *Findlay A.* Women in Shakespeare : a Dictionary. London : Bloomsbury Academic, 2010. 564 p. (Continuum Shakespeare Dictionaries).
3. *Gibson M., Ezra J.* Shakespeare's Demonology : a Dictionary. London : Bloomsbury Academic, 2013. 480 p. (Continuum Shakespeare Dictionaries).
4. *Hill W., Ötchen C.* Shakespeare's Insults: Educating Your Wit. Cambridge : MainSail Press, 1991. 308 p.
5. *Karpova O.* English Author Dictionaries. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. 256 p.
6. *Partridge E.* Shakespeare's Bawdy. 3rd ed. London ; New York, 1960. 291 p.
7. *Richmond H.* Shakespeare's Theatre : a Dictionary of His Stage Context. London : Bloomsbury Academic, 2003. 584 p. (Continuum Shakespeare Dictionaries).
8. *Rubinstein F.* A Dictionary of Shakespeare's Sexual Puns and Their Significance. London : Palgrave Macmillan, 2003. 334 p.
9. *Vienne-Guerrin N.* Shakespeare's Insults : a Pragmatic Dictionary. London : Bloomsbury Academic, 2013. 480 p. (Continuum Shakespeare Dictionaries).
10. *Webb J., Phil M.* Shakespeare's Erotic Word Usage. London : Hastings, 1989.
11. *Williams G.* A Dictionary of Sexual Language and Imagery in Shakespearean and Stuart Literature. London : Athlone Press, 1994. 351 p.
12. *Williams G.* A Glossary of Shakespeare's Sexual Language. London : Atlantic Highlands, 1997. 244 p.

Р. И. Бабаева

МАРКЕРЫ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛОЗУНГАХ (На материале австрийских предвыборных плакатов)

Анализируются немецкоязычные политические лозунги как персуазивный жанр политического дискурса, особое внимание уделяется языковым средствам, используемым в политическом лозунге с целью достижения определенного прагматического эффекта. В качестве маркеров персуазивности рассматриваются лексические единицы, которые в свете современных исследований описываются часто как дискурсивные, это местоимения, предлоги, союзы и прагматически маркированные полнозначные слова. Выявленные персуазивные средства классифицируются в зависимости от того, что они маркируют в тексте, и иллюстрируются примерами.

Ключевые слова: немецкий язык, политический лозунг, персуазивность, маркеры участников коммуникативного акта, маркеры создания образности, иллокутивные индикаторы, интертекстуальность, интердискурсивность, дискурсивные слова.

Political slogans in German are analyzed as a persuasive genre of political discourse. The article focuses on linguistic means used in political slogan in order to arrive to certain pragmatic effect. The lexical units are described in the article as markers of persuasiveness. In the light of modern researches the markers are often described as a discursive words (pronouns, prepositions, conjunctions and pragmatically marked notional words). Identified means of persuasion are classified depending on what they mark in the text and are illustrated by appropriate cases.

Key words: German language, political slogan, persuasiveness, markers, participants of communicative act, markers of creating imagery, illocutionary indicators, intertextuality, interdiscursiveness, discursive speech.

Политический лозунг представляет собой прагматически маркированный тип текста, сфера действия которого ограничивается рамками политической коммуникации и основная функция которого состоит в том, чтобы изменить мнение адресата в пользу адресанта. Персуазивность является важной характеристикой политического лозунга как самостоятельного жанра политического дискурса, поэтому представляется логичным считать его персуазивным жанром политического дискурса. «Персуазивность представляет собой коммуникативное (преимущественно вербальное) воздействие адресанта на установку (мнения, суждения, оценки) реципиента с целью ненасильственным путем (посредством коммуникативных стратегий убеждения и «обольщения») добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения/отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта» [2, с. 36].

Воздействующий эффект политического лозунга создается в результате осуществления ряда коммуникативных действий — привлечения внимания адресата, предоставления реципиенту возможности идентификации адресанта, создания образности путем воздействия на эмоциональную и рациональ-

ную сферу, трансляции определенной установки. Политический лозунг олицетворяет собой коммуникативный акт, происходящий между представителями определенной партии/группы людей, которые выступают в данном случае как отправители послания, и потенциальными избирателями, которые являются реципиентами. Эта коммуникация происходит в определенных исторических, географических и политических условиях, знание которых необходимо для правильной интерпретации значения текста лозунга. В иных условиях данные лозунги теряют свою актуальность и их прагматическая заряженность может быть незамеченной. Анализируемые в статье лозунги использовались австрийскими политическими партиями в 2008 и 2013 гг. во время предвыборной кампании в рамках выборов в Национальный совет Австрии [3, 4, 5].

Персуазивное действие политических лозунгов обеспечивается вербальными и визуальными средствами. В рамках данной статьи внимание уделяется только лингвистическим средствам. Рассмотрим каждое из названных выше коммуникативных действий, релевантных для эффективности лозунга, с точки зрения их проявления в составе вербальной составляющей политического лозунга.

Маркеры идентификации адресата. Как правило, адресатом политических плакатов является потенциальный электорат, поэтому маркеры адресованности плаката и соответственного лозунга встречались в небольшом количестве. Если адресат маркируется в лозунге, то это всегда делается с определенной целью. Политический лозунг нередко строится как диалог, поэтому могут использоваться конкретные обращения.

В 2008 г. в предвыборной кампании отдельных политиков активно эксплуатировались патриотические, национальные настроения. Так, собеседником создателей одного из лозунгов предстает страна. Один из политиков на своих плакатах обращается к Австрии: «Den sozialen Weg gehen. Deinetwegen. **Österreich**», «Ärmel aufkräpeln und anpassen. Deinetwegen. **Österreich**». Здесь ведущим является мотив родины. Подобной номинацией адресата были исключены из потенциальных избирателей все те, для кого Австрия не является родиной, что свидетельствует о некоторой националистской склонности этой партии (эта особенность отмечалась в прессе тех лет).

В диалоге предвыборных лозунгов участвуют и абстрактные понятия, например, в ряде лозунгов одной из австрийских партий создатели плаката обращаются к будущему: «Willkommen **Zukunft!** Österreich gehört den Optimisten», «Willkommen **Zukunft!** Österreich gehört den Tatkräftigen». Маркером адресованности в этом примере является слово Zukunft. Введением маркера адресата создатели плаката, с одной стороны, подчеркивают уверенность в своем будущем, с другой стороны, в данном случае в качестве своего электората они рассматривают людей, ориентированных на будущее, т. е. молодежь и людей трудоспособного возраста. К молодежи апеллирует отправитель и в следующем лозунге: «Rot ist gesund: **junge Generation.** SPÖ!». В качестве адресата может быть указан и конкурент, как это сделано в лозунге партии зеленых: «**Rot-schwarz:** genug gestritten!». В данном лозунге через указание адресата осуществляется стратегия дискредитации конкурента, на чем подробнее остановимся далее.

При конкретной номинации адресата есть опасность потерять своих сторонников, если они не входят в названную группу, поэтому создатели лозунгов отдают предпочтение местоимениям для маркирования адресата,

т. к. они позволяют вовлечь в свой круг каждого, кто читает или слышит этот лозунг: «Einkommen statt Auskommen. Wir für **euch**. Deshalb FPÖ».

Наряду с лексическими маркерами адресата следует выделить грамматические маркеры, это прежде всего форма повелительного наклонения. «Höchste Zeit für Nächstenliebe. **Liebe** deine Nächsten. Für mich sind das unsere Österreicher».

Маркеры идентификации отправителя. Как правило, маркерами отправителя послания являются сокращенные или полные названия партий, указанные на плакате, иногда — логотип партии. На плакатах с лозунгами часто даны портреты политических деятелей — это либо сами кандидаты, за которых агитируют, или политические деятели, с которыми электорату следует ассоциировать данную партию. Визуальные маркеры адресанта широко использовались на предвыборных плакатах Австрии в рассматриваемый период. Нас же интересуют прежде всего те случаи, где присутствуют вербальные маркеры отправителя.

Название партии может использоваться в самом лозунге, чтобы оно запомнилось реципиенту: «Volksvertreter statt EU-Verräter. Wir für euch. Deshalb **FPÖ**», «**SPÖ**. Die Partei der Arbeit», «Versprechen, die halten. Ohne neue Schulden. **ÖVP**», «Links mit Sicherheit. **KPÖ**».

В тех случаях, когда на плакате используется визуальный маркер адресанта, он может иногда дополняться вербальным — личным местоимением: «**Wir** schaffen das: sichere Heimat», «Dauerstreit? Nicht mit **mir**».

Создание образности путем воздействия на эмоциональную и рациональную сферы. Особенностью лозунга является создание образности, что в определенной мере роднит его с фразеологизмами. Образность способствует лучшему запоминанию лозунга.

Создание образности может происходить благодаря оригинальной, необычной форме подачи информации: «Aufhetzen? Nicht mit **mir**». Использование разговорных усеченных конструкций придает лозунгу определенный ритм. Номинация отправителя с помощью отрицания является нетрадиционной и уже тем самым привлекает внимание. Отрицательная частица при номинации служит для усиления актуализации информации, о чем говорилось в литературе при описании отрицания как маркера ремы в предложении.

В следующем лозунге каждое слово, которое хочет подчеркнуть отправитель, выделяется в отдельное предложение: «Den sozialen Weg gehen. Deinetwegen. Österreich». Определенный ритм создается и в других лозунгах, где используются эллиптические предложения: «Versprochen — gehalten. ÖVP». Телеграммный стиль используется и при создании другого лозунга: «Sozial. Entschlossen. Zuverlässig. Faymann. Die neue Wahl. SPÖ».

Рифма используется также для создания образности: «Asylbetrug heißt Heimatflug», «Einkommen statt Auskommen», «Volksvertreter statt EU-Verräter».

Аллюзии также способствуют созданию образности. Запоминающиеся лозунги могут иметь структуру, сходную с известными пословицами: «Es reicht: Ohne Deutschkurs keine Zuwanderung» (пословица *Ohne Fleiß — kein Preis*); «Saubere Umwelt. Saubere Politik. Wer einmal stiehlt, den wählt man nicht» (пословица *Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht...*).

При трансляции информации с помощью лозунгов активно привлекаются и когнитивные механизмы воздействия. В лозунгах используются сигналы для актуализации определенного фрейма, через который происходит воздействие на формирование воззрений реципиента. Так, например, партия

зеленых выбрала в качестве центрального элемента своей агитационной работы понятие «чистота». Слоты фрейма «чистота» — отсутствие мусора (чистые улицы), отсутствие дурных поступков и мыслей (чистые помыслы, чистая совесть), отсутствие грязи (чистое лицо). Это центральное понятие повторяется в разных плакатах и актуализируется в сознании адресатов, при этом оно соотносится с партией зеленых. Кроме этого, плакат существует в разных версиях, где центральное понятие «чистота» сохраняется, а отдельные элементы лозунга видоизменяются. Эти вариации выполняются с учетом единиц, которые соотносятся со слотами фрейма. Чистым помыслам и поступкам зеленых противопоставляются плохие поступки конкурентов (воруют, спорят): «Saubere Umwelt. Saubere Politik. Wer einmal stiehlt, den wählt man nicht»; «Saubere Umwelt. Saubere Politik. Rot-schwarz: genug gestritten». Политика и окружающая среда, которую ассоциируют с зелеными, должна актуализироваться для читателей в зоне «чистоты», а все, что соотносится с конкурентами, должно порождать ассоциации наличия того, что противопоставляется чистоте.

		Sauber (Grüne)	
Politik		Umwelt	
unehrlich			verschmutzt
andere Parteien			andere Parteien

Образность создается также благодаря метафорам, при которых используются когнитивные пути формирования запланированных оценок и установок. Например, не останутся без внимания метафоры *политика любви к ближнему, чистые руки на благо Австрии, сильная страна* в лозунгах «Politik der Nächstenliebe», «Mit sicherer Hand für Österreich», «Starke Familien. Starkes Land». Образы у реципиента могут формироваться путем актуализации понятий и структур из других дискурсов. Так, введение слова *Nächstenliebe* создает ассоциации с Библией, а одно из предложений в лозунге полностью повторяет структуру формулировки заповедей из Библии: «Höchste Zeit für Nächstenliebe. **Liebe deine Nächsten.** Für mich sind das unsere Österreicher». В другом лозунге происходит актуализация туристического рекламного дискурса путем введения приветствия *Willkommen* и соответствующих фоновых картинок, которые очень похожи на рекламные плакаты туристической Австрии: «Willkommen Zukunft. Österreich gehört den Optimisten», «Willkommen Zukunft. Österreich gehört den Weltoffenen». Таким образом, интертекстуальность и интердискурсивность являются средством создания образности, когда знакомое помещается в новый контекст и возникает новый образ (*партия, которая любит ближнего; партия, которая всех приглашает совершить с ней путешествие в будущее*). Маркерами интертекстуальности и интердискурсивности, как мы видели, могут быть как лексические средства, так и структуры, а порой и невербальные средства.

Иллокутивные индикаторы

С точки зрения ведущей коммуникативной цели все лозунги следует рассматривать в качестве директивных речевых актов, т. к. они призывают пополнить ряды сторонников партии и отдать свой голос за эту партию или ее представителя на выборах. Среди лозунгов можно обнаружить такие, в которых встречаются императивные формы глагола, но прямых призывов в проанализированном материале почти не встретилось. Чаще всего лозунги

представляют собой косвенный директивный речевой акт, т. к. призыв скрывается за иными формами. Адресант стремится подвести потенциальных избирателей к желаемому действию «окольным путем», т. е. через какое-либо дополнительное коммуникативное действие. Выбор дополнительного коммуникативного действия зависит от стратегии адресанта, который, например, обещает и тем самым пытается создать собственный позитивный имидж. В большом количестве лозунгов встречается местоимение первого лица множественного числа, которое придает лозунгу тональность обещания: «**Wir** schaffen das: leistbare Pflege», «**Wir** schaffen das: Sichere Heimat», «Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen für Österreich», «Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen für faire Bildung», «Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen um jeden Arbeitsplatz», «Mit sicherer Hand für Österreich **Wir** kämpfen für sichere Pensionen», «Höchste Zeit für Nächstenliebe **Wir** senken Mieten, Steuern und Gebühren», «Steuern runter! **Wir** sichern... ÖVP». В приведенных лозунгах можно говорить о дополнительных прагматических функциях лексемы *wir*, она является в данных дискурсивных условиях маркером речевого акта обещания. То, что местоимения в некоторых коммуникативных ситуациях могут получать дополнительные прагматические функции, уже отмечалось в специальной литературе [1, с. 14—20].

Создание позитивного имиджа с целью привлечения сторонников на выборах создается также указанием на позицию партии, т. е. происходит информирование реципиента. В этом случае маркером ассертивного речевого акта является предлог *für*: «**Für** Umverteilung. **Für** gleiche Rechte. Solidarisch. Mit Sicherheit. KPÖ», «**Für** ein modernes Österreich», «**Für** das Leben ohne Kompromiss. Die Christen. Aus Glauben und Überzeugung», «**Für** ein gerechtes Österreich», «**Für** Gleichheit aller Lebensmodelle».

Выше были названы самые распространенные стратегии создания позитивного имиджа партии. Существуют и другие способы, например открытая характеристика себя и своих действий: «Versprochen — gehalten ÖVP», «SPÖ. Die Partei der Arbeit».

Для получения голосов на выборах в лозунгах может использоваться стратегия дискредитации конкурентов: «Nicht am Sessel kleben — gute Politik braucht die Kraft des Neuen». Дискредитация соперников происходит путем актуализации пресуппозиции: *Они приклеились к креслам/Они давно у власти*. В результате использования слова *kleben* создается негативная оценка тех, кто находится у власти. В этом случае директивный речевой акт имеет двойную актуализацию. Явный директив ориентирован на соперников (*Не прикливайтесь к креслам!*), а скрытый директив апеллирует к потенциальным избирателям через ассертив, при этом самым важным является не само высказывание о том, что политике нужны новые силы, а импликатура *Мы являемся новой силой*, которая подводит потенциальных избирателей к выводу, что им следует проголосовать за ту партию, которая олицетворяет новые силы.

Маркерами стратегии дискредитации могут быть предлоги *statt*, *ohne*, которые являются сигналами того, что адресат критикует и в случае своей победы на выборах будет стараться изменить. В лозунгах с названными предлогами происходит актуализация информации об острых проблемах текущего момента и скандалах. Например, при описании лозунга «Volksvertreter **statt** EU-Verräter Wir für euch. Deshalb FPÖ» на одном из сайтов уточняется, что здесь критикуются партии, которые своими действиями предали цели Евросоюза (ÖVP, SPÖ, Grüne): «Sozial **statt** sozialistisch», «Für das Leben

ohne Kompromiss. Die Christen», «Einkommen **statt** Auskommen Wir für euch. Deshalb FPÖ», «ÖVP. Neustart **statt** Stillstand». Данные ассертивные речевые акты готовят почву для основного директивного речевого акта лозунга.

В лозунге может задаваться модель действий: «Es darf uns nicht egal sein, ob wir eine WIEN-freundliche oder WIEN-feindliche Regierung haben. Daher am 28. September Liste 1 SPÖ». Но точные указания в проанализированном материале являются единичными, чаще установки формируются **через** имплицатуры и пресуппозиции: «Heimatland braucht Mittelstand. Wir für euch. **Deshalb** FPÖ». Каждая пропозиция представлена в лозунге как отдельное предложение. В первом предложении происходит актуализация понятия «средний класс» (*Страна нуждается в среднем классе*), из второго предложения могут быть выявлены пресуппозиция *Вы относитесь к бедным или среднему классу* и имплицатура *Мы вас будем поддерживать*. В третьем предложении основным словом является *deshalb*, которое подводит к логическому заключению *Вы должны/можете отдать голос за указанную партию*. Этот лозунг иллюстрирует, как представители партий могут привлекать сторонников, даже не давая конкретных обещаний. Реципиент все «додумывает» сам, у него появляется иллюзия собственного выбора *меня не заставляли, я сам так решил*, т. к. в лозунге есть маркер аргументативности *deshalb*. В данном случае имеет место ассертив, далее аргументатив и доминирующим в лозунге является косвенный директив.

Таким образом, в рамках данной статьи была предпринята попытка обобщить основные языковые средства, которые использовались в австрийских лозунгах во время выборов в Национальный совет в 2008 и 2013 гг. для осуществления персуазивного действия. Как мы видели, отдельная лексическая единица в дискурсивных условиях политического лозунга может быть либо маркером участников коммуникативного акта (адресант, адресат), либо маркером когнитивных операций, необходимых для актуализации определенных ассоциаций (пресуппозиции, фреймы, тексты, дискурсивные условия) и создания образа, либо иллюкативным индикатором.

Библиографический список

1. Бабаева Р. И. Нестандартные употребления местоимений в немецком обиходном дискурсе // Современный немецкий язык : сб. науч. ст. М. : МАКС Пресс, 2008. Вып. 1. 80 с.
2. Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе : (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2011. 42 с.
3. Komplizierter Witz und klare Slogans. URL: <http://derstandard.at/1375626453650/Plakative-Botschaften> (дата обращения: 21.01.2014).
4. Unsere Parteien im Plakat-Wahlkampf. URL: <http://www.heute.at/news/politik/art23660,914437> (дата обращения: 21.01.2014).
5. Wahlwerbung mittels Wahlplakate. URL: <http://www.wien-konkret.at/politik/wahlen/nationalratswahl2008/wahlwerbung/> (дата обращения: 25.01.2014).

А. А. Григорян

**СЕКСИЗМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ВИДЫ И ТЕНДЕНЦИИ**

Анализируются современное состояние и тенденции развития такого явления, как сексизм в английском языке и культуре. Параллельно с существующим и традиционно выделяемым типом «явного» сексизма все большее распространение получает относительно новая разновидность данного явления: сексизм «скрытый». Рассмотрению этого феномена, а также необходимости сбалансированного — учитывающего как локальный, так и глобальный аспект изучаемого — подхода к исследованию сексизмов и посвящена данная статья.

Ключевые слова: сексизм, виды сексизма, институционализация сексизма, сексизм в слове и в дискурсе, возможности борьбы с сексизмом.

The paper deals with the analysis of the current state and development trends of sexism in the English language and culture. Along with the traditional kind of overt, indirect sexism, a relatively new covert, indirect version of this phenomenon has become more and more frequent of late. This newer kind of sexism and the necessity to have a rational balance of localized as well as globalized views on the topic are at the centre of discussion in the article.

Key words: sexism, types of sexism, institutionalization of sexism, sexism in words and discourse, reforms of sexist language.

Представляется, что высказывания могут восприниматься в качестве сексистских в целом ряде случаев. В частности, речь может идти о какой-то конкретной ситуации, когда — при обращении к женщине — опираются на некие устаревшие стереотипные установки. Например, в высказывании *Look at you crying over this film — women are so emotional* делается предположение о том, что женщина, к которой обращаются, ведет себя так, как подобает «феминной» женщине. Иными словами, осуществляется попытка классифицировать ее не столько как индивида, а как представителя определенной группы людей, которые — предсказуемо, в силу самой принадлежности к этой группе — испытывают схожие чувства. Еще одной причиной, способствующей возможности восприятия высказываний как сексистских, является тот факт, что иногда мужской опыт и мужской взгляд на мир выдается за общечеловеческий. В качестве иллюстрации может послужить известное высказывание антрополога Э. Ардене, которое приводит в своей книге, посвященной гендеру, профессор С. Ромейн: «...the whole village left next day in about thirty canoes, leaving us alone with the women and children in abandoned houses» (цит. по: [7, p. 9]). Кроме того, высказывания следует отнести к сексистским, если они базируются на предположении о том, что все виды деятельности, связанные с женщинами, тривиальны и вторичны в сравнении с аналогичной мужской деятельностью. Иллюстрацией этого типа высказываний может служить следующее суждение комментатора турнира в Уимблдоне: «Women tennis players get lower prize money at Wimbledon because the game is less exciting». Подобные типы высказываний базируются, как уже говорилось выше, на стереотипных консервативных, патриархатных убеждениях,

получивших — в какой-то мере — институциональную поддержку и сформировавших определенную основу фоновых знаний, которые используются носителями языка в их повседневном общении.

В качестве яркого примера подобных стереотипов, поддерживающих сексистские высказывания, могут служить слова песен современных поп-исполнителей. Хотелось бы оговориться, что существует много песен (например, в творчестве американской поп-звезды Пинк), в которых бросается своего рода вызов стереотипным взглядам на место женщины в мире. Вместе с тем представляется, что песен, в которых стереотипные воззрения относительно восприятия женщин как сексуальных объектов, очень большое количество. Обратимся к образцу творчества довольно известного современного британского поп-исполнителя К. Харриса. В припеве его песни «Girls» многократно повторяется: *I got all the girls*. Этот повторяющийся рефрен — своеобразный «счетчик» мужских побед. Далее певец продолжает: «I love them white girls, I love them Black girls, I love them Asian girls, I love them skinny girls, I love them fat girls, I love them carrying a little bit of weight girls». Данное перечисление далеко не полное: речь идет и о других типах *girls*, классифицируемых с опорой на их внешность, вес и национальную/этническую принадлежность. С одной стороны, можно говорить, что эта песня — своеобразное свидетельство того, насколько певец обожает женщин (например, он утверждает *I love them all*); с другой стороны, поскольку К. Харрис заявляет, что ему неважно, как выглядит женщина (перечисляются, по сути, только различные физические параметры), уместно задать вопрос о том, насколько он заинтересован в личности и характере женщины. В припеве К. Харрис поет о том, что он *got all the girls*, а в куплете — о том, что он *loves all the girls*. Возникает впечатление, что для певца *getting women* и *loving them* — это одно и то же. Таким образом, стирается грань между понятиями «любовь» и «вожделение». Дальнейшая объективация женщины достигается за счет использования конструкции *love them... girls* вместо *love you... girls*. Слушатель вынужден задаться вопросом: к кому, собственно, обращается К. Харрис? Итак, стихи этой песни являют собой образчик сексизма и объективации женщин. Однако, на наш взгляд, такое отношение к женщинам не есть только пример творчества конкретного исполнителя. Думается, следует скорее говорить о том, что К. Харрис в своем творчестве опирается на существующие стереотипные дискурсы относительно гендерной проблематики.

Как можно увидеть из приведенных выше примеров, сами по себе слова в предложении *Women tennis players get lower prize money at Wimbledon because the game is less exciting* не являются сексистскими, точно так же как и слова К. Харриса относительно *loving and getting women*. Сексистской, на наш взгляд, является манифестируемая в этих высказываниях система понятий, система, в которой женщины: а) всегда отличаются от мужчин и б) всегда занимают худшее положение. В этой связи представляется уместным процитировать высказывание Д. Камерон, предлагающей свое объяснение возникающему в высказываниях сексизму: «If we take it that no expression has a meaning independent of its linguistic and non-linguistic context, we can plausibly explain the sexism of language by saying that all speech events in patriarchal cultures have as part of their context the power relations that hold between women and men... This varied and heterogeneous context is what makes expressions and utterances liable to sexist interpretation» [2, p. 16]. Следовательно, при изучении и анализе такого явления, как сексизм, необходимо принимать в расчет и соб-

ственно языковые элементы сексизма, и дискурсы с компонентами *man*, *woman*, в которых сексизм находит отражение.

Несмотря на то что существуют определенные слова и грамматические конструкции, за которыми закреплен «шлейф» сексизма, очевидно, было бы неверным утверждать, что данные единицы воспринимаются как сексистски окрашенные во всех контекстах. В некотором смысле нам представляется правильным одновременно говорить и о более локальной модели сексизма (о том, как то или иное слово воспринимается в качестве сексизма в конкретном контексте конкретными читателями/слушателями), и о более широкой, социальной разновидности исследуемого явления, в которой дискриминирующие отношения развиваются внутри институционализированных контекстов, отражающих борьбу за власть в обществе. Сказанное не означает, конечно, что выделенные уровни анализа сексизма совершенно независимы друг от друга. Напротив, понятно, что институциональный сексизм — во всяком случае, в какой-то степени — является результатом развития конкретного словоупотребления в определенном контексте. Столь же очевидно, что общение между людьми не свободно от ограничений, налагаемых различными институтами общества. Иными словами, представляется правильным отказаться от мысли об ингерентном сексизме, присущем слову, в пользу идеи о более гибком и прагматичном, контекстно зависимом понимании сексизма. Такое понимание сексизма в определенной мере мешает высказыванию обобщающих суждений относительно сексизма в языке. На наш взгляд, на данном этапе развития гендерной лингвистики следует — хотя это и чрезвычайно сложно — пытаться находить баланс между идеями локализованного, контекстно зависимого и широкого, контекстно независимого понимания гендера. Последнее хорошо согласуется с идеями, высказываемыми в этом отношении известными западными гендерологами [3, 9].

Необходимо отметить, что отход от традиционного бинарного рассмотрения гендера, наметившийся в 90-х годах прошлого столетия, был во многом вызван несколько упрощенным пониманием взаимоотношений языка и гендера: речь часто шла о том, что мужчины (как группа) говорят и поступают иначе, чем женщины (как группа). Подобные обобщения неизбежно воспринимались как неточные и излишне широкие («oversweeping generalizations»). Вместе с тем думается, что провозглашенный в 1992 году двумя видными западными учеными-гендерологами П. Экерт и С. МакКоннелл-Гине лозунг «think practically and look locally», наряду с безусловно позитивными результатами, привел также и к определенным трудностям, связанным с выявлением любых гендерных различий в языке, с установлением сексистского характера тех или иных языковых единиц на том основании, что они относятся исключительно к женщинам и опираются на существующие стереотипы. Неслучайно примерно через 10 лет (в 2003 году) Дж. Холмс и М. Мейерхоф — редакторы коллективной монографии, посвященной взаимоотношениям языка и гендера — обращают внимание ученых-гендерологов на то, что не следует избегать обобщающих выводов и умозаключений, опирающихся на эмпирическим путем собранные данные. Подобные обобщения, полагают Дж. Холмс и М. Мейерхоф, могут быть очень полезны в борьбе за преодоление гендерной асимметрии в языке и обществе. В частности, они пишут: «We should never cease to engage actively with and challenge assumptions about gender norms, and loudly draw attention to the way power, privilege and social authority interact with and are naturalized as properties of independent

social categories... such stances of committed engagement may distance us from younger women, or from those widespread contemporary attitude which valorize diversity and individual expression... it may be useful if those working in language and gender research resolved to avoid using terms such as “essentialist” to dismiss research which focuses on the big picture, research which attempts to identify regularities and make generalizations about global patterns observable in the relationship between language and gender» [9, p. 14—15].

Таким образом, становится понятно, что для Дж. Холмс и М. Мейерхоф важно подчеркнуть: не все труды, имеющие обобщающий характер, являются биодетерминистскими. Ученые полагают, что вполне возможно (и необходимо) высказывать обобщающие суждения о взаимоотношениях языка и гендера, не вставая на путь излишней симплификации гендерных различий. Это совершенно не означает, что принцип «think practically and look locally» должен быть предан забвению. В исследованиях, посвященных гендерной тематике, очень важно соблюсти баланс между локальным и глобальным, конкретным и общим. Неслучайно в последнее время появляются труды, предупреждающие об опасности увлечения работами обобщающего характера во вред исследованиям, концентрирующимся на локальных вопросах. В частности, исследователь Р. Пейдж пишет: «Once the discussion shifts from the particular into the abstract, it becomes difficult to ask vital feminist questions, such as to whom the differences of gender matter and what might be done about them» [6, p. 44]. Таким образом, по мнению Р. Пейдж, фокусирование внимания на локальных проблемах может предоставить ученому больше возможностей для того, чтобы задать конкретные вопросы относительно конкретного случая дискриминации женщин, а также, вероятно, обсудить меры по изменению такой ситуации. При этом не следует забывать, что тот или иной конкретный случай дискриминации есть частное проявление более широкой картины дисбаланса, имеющего место в обществе и в языке.

За последние годы СМИ в англоязычных странах приложили немало усилий для того, чтобы антисексистские кампании воспринимались обществом с изрядной долей иронии. Само понятие «сексизм» при обсуждении в СМИ соответствующих проблем было подменено понятием «политическая корректность», предполагающим некую излишнюю скрупулезность и сверхозабоченность «тривиальными» языковыми проблемами в ущерб действительно важным вопросам равноправия, равных возможностей. В частности, СМИ пытались свести феминистские кампании за равноправие и языковые реформы к вопросу о выборе между *manhole cover* и *personhole cover* или к приемлемости в наше время таких слов и словосочетаний, как *black coffee* и *blackboard*. На наш взгляд, следует отдать должное изобретательности и своеобразному чувству юмора людей, стоящих за использованием таких РС-образований, как *vertically challenged*, *follicularly challenged*. Несмотря на то что подавляющее большинство подобных примеров придумано специально и не имеет никакого отношения к кампаниям за равноправие, они оказали большое влияние на восприятие людьми сегодня проблем, связанных с сексизмом, расизмом и другими формами дискриминации.

Даже в среде ученых-гендерологов использование термина «сексизм» подчас выглядит проблематичным и несколько устаревшим. Не подлежит сомнению тот факт, что какие-то слова и выражения, еще недавно считавшиеся сексистскими, просто выходят из употребления. В качестве примера можно привести слова *courtier* и *courtesan* (первое слово обозначает мужчину-

придворного, в то время как второе — куртизанку). Едва ли эти слова для современного человека (особенно студенческого возраста) являются частью активного вокабуляра. Более того, вряд ли такие лексические единицы представляют для современной молодежи большой интерес. В какой-то степени невысокая употребительность многих слов, ассоциируемых с сексизмом, может быть объяснена относительной успешностью кампаний (особенно в 70-х и 80-х годах) за гендерное равенство, а также усилиями ученых, представляющих гендерно-сенситивную часть академического сообщества [5]. В результате у многих людей возникло ощущение, что сексистские языковые формы просто выйдут из употребления; кроме того, такие формы будут легко распознаваться и, соответственно, реформироваться. Однако, как отмечает Д. Камерон, языковые реформы не так легко достижимы: даже сами меры по реформированию языка могут быть использованы (как индивидами, так и институтами) с целью маскировки базовых дискриминационных практик [4]. Тщательному исследованию подвергается идея реформирования языка, которую в другой своей работе профессор Камерон метко назвала «verbal hygiene» [1]. Такое название, совпадающее с названием всей книги, наводит на мысль о том, что речь идет о попытке изменить язык из-за наличия в нем некорректных, обидных и даже оскорбительных единиц. Д. Камерон пишет, в частности, о том, что многих людей волнует состояние их языка, они безразличны к тому, что и как говорится на их родном языке: «...many people do not merely speak their language, they also speak copiously and passionately about it» [1, p. IX].

Создается впечатление, что многие ученые, занимающиеся гендерной лингвистикой, не очень интересуются проблемами сексизмов и сексистского языка, по-видимому полагая, что идентификация подобных единиц не представляет больших сложностей. В частности, М. Тулан пишет, что сегодня — при изучении текстов — уже недостаточно просто обвинений в пропаганде насилия и в манипулировании читателем. Сегодня важно понять, каким образом, при помощи каких средств конструируются тексты, которые трудно, на первый взгляд, обвинить в пропаганде сексизма, насилия и манипулировании читателем: «...include a clear sense of how a particular control-revealing, hegemony eliciting, manipulative text might have been constructed, so as to more nearly attain the status of being a non-manipulative and non-hegemonic text» [10, p. 4]. Ученый полагает, что необходимо исследовать и анализировать более тонкие, менее явные виды дискриминирующих дискурсов: «...the subtle and hence more insidious discriminatory and exclusionary discourses that abound» [ibid]. С этим утверждением можно только согласиться. Одной из главных задач наших собственных исследований в области гендерной лингвистики является, наряду с анализом случаев так называемого явного сексизма (которых все еще довольно много), обратить внимание на все более частые проявления более тонких, контекстуальных, завуалированных видов сексизма. Вследствие социальной детерминированности и контекстуальной определенности завуалированных видов сексизма, подходов, характерных для традиционной лингвистики, может оказаться недостаточно при анализе данных единиц. Очевидно, нам потребуется модель анализа, включающая нечто большее, чем анализ изолированных слов и словосочетаний. Британский исследователь Дж. Сандерленд полагает, что к анализу подобной системы сексистских положений следует подходить с позиций дискурса. Она, в частности, пишет: «...intervention in discourse... needs to be distinguished from the feminist 'non-sexist language' linguistic activism... of the 1970s and 80s» [8, p. 203]. Считаем

необходимым согласиться с утверждением ученого о том, что невозможно описывать дискурсивный вид сексизма и бороться с ним, оставаясь на позициях традиционной лингвистики (концентрируясь только на отдельных словах). Вместе с тем, на наш взгляд, при анализе сексизма важно, наряду с более широким, дискурсивным подходом к изучаемому явлению, учитывать и более узкое, традиционно лингвистическое его понимание. По мнению Дж. Сандерленд, интересующие нас дискурсы — это некие совокупности утверждений, высказываемых с целью формирования определенных взглядов на мужчин и женщин. Речь идет о таких разновидностях дискурса, как «neat girls», «girls as good language learners», «father as bumbling parent». Английский ученый в своей книге *Gendered Discourses* ставит задачу систематизировать дискурсивные структуры с учетом гендерного фактора и указать способы анализа таких дискурсов [8, p. 203—204]. По мнению исследователя, представляется возможным применение шести различных стратегий [ibid.]:

1) метадискурсивной критики (прямая критика использования того или иного гендерного дискурса);

2) принципиального отказа от использования дискурсов, воспринимаемых как ущемляющие права и достоинство человека;

3) осознанного неконфронтационного (non-confrontational) использования дискурсов, воспринимаемых как эгалитарные (таким образом, мы делаем выбор в пользу прогрессивных гендерных дискурсов, не подчеркивая специально сделанный выбор);

4) осознанного фронтационного (confrontational) использования дискурсов, воспринимаемых как эгалитарные (в данном случае мы специально привлекаем внимание к этому);

5) выражения поддержки мнений групп людей (не лингвистов и не придерживающихся феминистических взглядов) относительно гендерного дискурса;

6) редискурсивации (rediscursivation) — конструирования новых, более прогрессивных дискурсов.

Таким образом, использование определенных дискурсивных возможностей предоставляет говорящему/пишущему возможность избежать (или, наоборот, подтвердить) выражения благоприятного/неблагоприятного мнения о женщинах и мужчинах. Следует, однако, понимать, что это не всегда легко осуществить на практике. Например, в ситуации, когда друзья или коллеги начинают пользоваться видом дискурса, который можно назвать «неумелые, плохо справляющиеся со своими обязанностями по уходу за детьми отцы» («fathers as bumlbers»), гораздо легче найти примеры из собственного опыта, подтверждающие высказываемую точку зрения, чем привести какие-то контраргументы и иные примеры из более прогрессивных дискурсов, отражающих роль мужчины в воспитании ребенка. В частности, можно вспомнить случаи (из личной жизни, опыта, средств массовой информации и т. д.), когда отцам нравилось ухаживать за детьми; к тому же многие из них вовсе не были некомпетентны в вопросах ухода за детьми. Таким образом, пусть и в очень небольшом масштабе, будет дан старт процессу редискурсивации, то есть процессу, при котором изменяются границы дискурсов и начинают развиваться более благоприятно отражающие женщин и мужчин дискурсы.

Библиографический список

1. Cameron D. Verbal Hygiene. London ; New York : Routledge, 1995. 242 p.
2. Cameron D. Feminism and Linguistic Theory. London : Macmillan, 2006. 218 p.
3. Eckert P., McConnell-Ginet S. Language and Gender. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 366 p.
4. Language : the Feminist Critique / ed. by D. Cameron. London : Routledge, 1998. 368 p.
5. Lakoff R. Language and Woman's Place. New York : Harper and Row, 1975. 128 p.
6. Page R. Language and Gender : an Introduction. Birmingham : Birmingham University Press, 2005. 152 p.
7. Romaine S. Communicating Gender. Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 406 p.
8. Sunderland J. Gender and Language : an Advanced Resource Book. London : Routledge, 2004. 359 p.
9. The Handbook of Language and Gender / ed. by J. Holmes, M. Meyerhoff. Oxford : Blackwell, 2003. 759 p.
10. Toolan M. Gender and Discourse. Mahwah : Lawrence Erlbaum Associates, 1996. 216 p.

ББК 81.471.1-51

Е. А. Комарова

**L'ÉTRANGER D'ALBERT CAMUS:
UNE EXPÉRIENCE DE L'INTERPRÉTATION DU TEXTE**

Рассматривается лингвистический подход к интерпретации текста художественного произведения на примере сцены защитной речи адвоката в произведении А. Камю «Посторонний». Семантико-структурный анализ отрывка позволяет выявить центральную антитезу *правосудие — обвиняемый*, подчеркнуть дистанцирование персонажа от судебной процедуры, обозначить ложь официальной речи и абсурдность общества, отчуждающего и уничтожающего все «постороннее».

Ключевые слова: стилистический анализ, абсурд, игра, ирония, антитеза.

The study focuses on linguistic interpretation of defense speech in *L'Étranger* by Albert Camus. Semantic and structural analysis discovers the main antithesis *justice — defendant*, accentuates character's distancing from the court procedure and shows the lie of official speech and the absurdity of society alienating and destroying all the «strange».

Key words: stylistic analysis, absurdity, play, irony, antithesis.

L'Étranger d'Albert Camus (1942) fait partie des textes du programme universitaire pour les étudiants en philologie française et il est étudié sous deux aspects: littéraire et linguistique. Dans le présent exposé il est proposé de partager une expérience méthodologique de l'interprétation du texte. L'application d'une analyse sémantique et structurale permet d'étudier le texte en profondeur, de le palper, pour que les idées de l'auteur cessent d'être purement théoriques et deviennent plus matérielles.

L'étape préanalytique comprend la révision du concept idéologique et esthétique de l'écrivain, la caractéristique du roman du point de vue de l'intention de l'auteur et de la problématique existentialiste [3, p. 720—721]. Ici, on précise les points suivants:

— le non-sens de la vie, y compris le caractère dérisoire des habitudes quotidiennes, l'absence de toute raison profonde de vivre, l'inutilité de la souffrance;

— le sentiment de l'absurde qui naît du caractère machinal de l'existence sans but, du sentiment de l'étrangeté de la nature, de l'hostilité primitive du monde auquel on se sent tout à fait étranger, de l'anéantissement des efforts par le temps, de la certitude de la mort qui fait voir l'inutilité de toute destinée. L'absurde est la confrontation du caractère irrationnel et incompréhensible du monde et du désir éperdu de l'homme de le comprendre. L'absurde n'est ni dans le monde ni dans l'homme, mais dans leur présence commune, dans leur antinomie. L'exigence de comprendre et, en même temps, l'inaptitude de comprendre, telle est la condition humaine;

— l'homme absurde qui décide de vivre avec la conscience de l'affrontement sans espoir de réconciliation entre l'esprit et le monde;

— la révolte qui confère à la vie son prix et sa grandeur et dans laquelle l'homme témoigne de sa seule vérité qui est le défi;

— la liberté que procure à l'homme la découverte de sa condition absurde.

L'Étranger est une oeuvre qui interroge sur ce qui vaut la peine d'être vécu, qui montre la situation de l'homme face à différents aspects de l'absurde. Meursault se débat aveuglément dans un univers dépourvu de sens, laisse le temps couler sans éprouver de regrets ni d'amour, sans se poser de questions sur l'existence. Il ne fait que suivre ses goûts ou ses dégoûts. Pour lui, la vie se règle suivant des habitudes, rien n'a d'importance, rien ne fait sens. Il ne reconnaît pas les valeurs partagées par la société, ne joue pas le jeu de tout le monde, tandis que la société attend de lui des réflexes conventionnels. Selon Camus, Meursault est l'étranger parce qu'il refuse de masquer ses sentiments et qu'aussitôt la société se sent menacée. L'écrivain résume sa situation en disant que «dans notre société, tout homme qui ne pleure pas à l'enterrement de sa mère risque d'être condamné à mort» [4, p. 97]. Il refuse tout espoir, accepte la mort et l'indifférence totale de l'univers en prenant conscience de la condition humaine, alors il conquiert sa liberté et peut maintenant jouir de la vie. Il est sauvé par ce qui le perd. Ce n'est pas par hasard que ce récit est parfois appelé «mythe de Sisyphe vécu».

Maintenant adressons-nous directement à l'extrait [2, p. 156—159]. Suivant le déploiement du texte, nous commençons par l'ambiance de la séance. L'épithète «*épais*» caractérise l'air de la salle, ce qui veut dire *dense, qui ne laisse pas respirer librement*. Le verbe «*brasser*» (*remuer en mêlant*) fait comprendre qu'aucun courant d'air n'entre dans la salle, que l'atmosphère est stagnante, irrespirable. L'attention du lecteur est attirée par l'emploi de deux mots contenant dans leurs radicaux le sème du vent («*ventilateurs*» et «*éventails*»). Dans les deux cas le vent au sens propre, comme symbole de l'air frais, de l'espace, de la liberté, est remplacé par des instruments, des objets artificiels appelés à compenser leur absence, par ses substituts. On pourrait dire que dans cette atmosphère le vent lui aussi est condamné à mort.

L'espace est suivi du temps, et nous pouvons observer que dans l'ambiance étouffante de la séance le temps traîne infiniment. Le lexique qui le prouve est le

suisant: «*ne devoir jamais finir*», «*longues phrases*», «*journées et heures interminables*», «*je n'ai eu qu'une hâte, c'est qu'on en finisse*».

Le détail suivant accentue le caractère rituel, conventionnel de la séance. Il s'agit, avant tout, du mouvement des éventails. Ils sont multicolores exprimant implicitement l'individualité de leurs possesseurs, mais ils s'agitent tous dans le même sens. Le pronom «*tous*» et l'adjectif «*même*» effacent toute possibilité de la différenciation des opinions. Tous les jurés sont du même avis à l'avance, aucune déviation ne semble possible; leur décision sera unanime et, peut-être, elle est déjà prise. Ensuite, l'idée d'un rite, d'un spectacle est soulignée par la réplique du gendarme («*Tous les avocats font ça*») et par les félicitations faites à l'avocat par ses collègues, une fois sa plaidoirie terminée, comme à un acteur épuisé par un rôle difficile mais dont le jeu a provoqué l'admiration du public («*un compliment*», «*serrer la main*», l'épithète «*magnifique*»). Le caractère absurde de la situation devient évident grâce à l'effet ironique créé par la double conséquence d'une même cause: le discours entraîne non seulement l'enthousiasme de l'audience mais aussi le verdict qui condamne Meursault à la peine de mort.

Enfin, nous revenons à la notion du jeu en observant l'emploi artificiel par l'avocat du pronom «*je*» désignant l'accusé («*il est vrai que j'ai tué*»). L'avocat se substitue à Meursault pour en faire une image convenable, compréhensible, répondant aux normes sociales. Il le présente à l'aide des clichés sociaux qui le privent d'individualité et le rendent ordinaire, pareil aux autres donc inoffensif («*honnête homme, travailleur régulier, infatigable, fidèle à la maison, fils modèle, aimé de tous, compatissant aux misères d'autrui*»). La justice le déforme, le reconstruit selon un schéma conventionnel. Ce mensonge absurde souligne que Meursault reste toujours étranger à la société malgré la prétention de l'avocat de connaître son âme («*j'y ai lu à livre ouvert*»).

La forme de la plaidoirie de l'avocat est aussi artificielle que le contenu. Son éloquence et son emphase font penser au discours de M. Lieuvain aux Comices agricoles (*Madame Bovary* de Gustave Flaubert) et ressemblent beaucoup à celui du procureur (malgré l'opposition de leurs rôles professionnels) [1, c. 319—327]. On y constate l'emploi des périphrases emphatiques («*représentant du ministère public*» — procureur — avec l'épithète antéposée «*éminent*», «*le confort que mes moyens ne me permettaient pas de lui procurer*» — je n'avais pas d'argent, «*l'utilité et la grandeur de ces institutions*» — mortuaire, «*envoyer à la mort*» — condamner, «*traîner le remords*» — se repentir — accompagné de l'hyperbole «*éternel*»), des mots littéraires («*égarement*», «*châtiment*»), du superlatif («*le plus sûr des châtements*»). Plus de procédés rhétoriques on trouve dans le discours de l'avocat, mieux on sent les dimensions du mensonge.

L'image fautive et hypocrite inventée par l'avocat est renversée par celle d'un vrai Meursault. Dès le début de l'extrait il est clair que l'accusé ne comprend pas grand-chose (cette idée est prouvée par des mots et expressions désignant l'incertitude: «*sembler*», «*paraître*», «*avoir l'impression*», «*demander pourquoi*», «*être étonné*»). Il est plongé dans ses pensées, il serait absent mentalement (exemples: «*écouter à un moment donné*», «*être très loin*», «*c'est à peine que j'ai entendu*»). Cette indifférence par rapport à ce qui se passe et qui le concerne directement s'explique par le sentiment de solitude, d'isolement. Meursault est oublié de tous: l'avocat joue son rôle, le gendarme lui dit de se taire. Il exprime cette situation par une série de verbes («*écarter de l'affaire*», «*réduire à zéro*», «*être substitué*») et l'expression «*la vie qui ne m'appartenait plus*».

L'aliénation de Meursault de l'affaire est également son aliénation de lui-même. Son portrait présenté par l'avocat lui est totalement étranger. En écoutant la plaidoirie, Meursault se distancie de sa propre personnalité et entend parler de lui comme d'un autre homme, comme d'un étranger; en fait il change de rôle et devient témoin (ce n'est pas par hasard que nous observons l'expression «*m'a pris au témoin*»). Grâce à ce procédé de distanciation, il a la possibilité d'apprécier sincèrement, objectivement la situation et les personnages, ce qui produit un effet ironique avec les expressions «*l'avocat m'a semblé ridicule*» et «*il avait beaucoup moins de talent que le procureur*», car cette rivalité ne promet rien de consolant à Meursault même.

L'ironie est accentuée au moment où Meursault reprend la plaidoirie de l'avocat au discours indirect libre, avec l'imparfait et le plus-que-parfait («*j'étais*», «*j'avais soutenu*», «*j'avais espéré*»). D'abord, il répète le verbe «*lire*» («*j'y ai lu à livre ouvert*» — «*il y avait lu*»), mais il est évident qu'en réalité l'avocat n'y a rien lu, c'est-à-dire n'a rien compris, son client lui reste étranger. Ensuite, Meursault répète le pronom «*je*», mais pas pour parler de lui, il présente le Meursault de l'avocat, c'est-à-dire il utilise «*je*» qui ne le désigne pas lui mais un étranger, donc il reste étranger à lui-même. Cette accentuation de l'absurdité de la situation détruit l'image modèle en faisant voir son caractère mensonger.

Alors comment est l'image vraie? Au moment où la justice décide de sa vie, Meursault fait attention aux événements insignifiants (tels que le résonnement de la trompette d'un marchand à glace), se souvient de petites joies quotidiennes (par exemple, des odeurs d'été, son quartier aimé, un certain ciel du soir, le rire et les robes de Marie). Ce passage accompagné de l'expression «*remonter à la gorge*» fait comprendre que Meursault n'est pas totalement indifférent, insensible, pas un cliché mort, mais un homme vivant, qui ne veut pas manifester ce qu'il éprouve devant des étrangers.

En même temps, la conscience de l'inutilité totale de ce qui se passe lui inspire vertige, fatigue et sommeil. Même les couleurs s'effacent: «*tout devenait comme une eau incolore*». Ses sentiments naturels sont exprimés en une langue neutre, sans effusions lyriques, caractérisée par l'emploi du synonyme le plus courant («*fatigué*», qu'on compare avec «*épuisé*» de l'avocat), un nombre très restreint de tropes (comparaison «*comme une eau incolore*», quelques épithètes), par le passé composé direct (opposé au discours indirect libre de la plaidoirie), une syntaxe simple ou à coordination. La confrontation de deux styles (officiel et parlé) est évidente dès le début du récit («*maman est morte*» — «*mère décédée*»).

En conclusion, mettons en relief l'antithèse générale *justice* — *accusé* qui illustre l'absurdité de la société aliénant et détruisant tout ce qu'elle ne peut pas comprendre, et qui fait sentir au lecteur l'ironie amère de la notion *étranger* annoncée dans le titre du récit.

Bibliographie

1. Эткинџ Е. Г. Семинарий по французской стилистике. М. ; Л. : Просвещение, 1964. Ч. 1 : Проза. 340 с.
2. Camus A. L'Étranger. Paris : Gallimard, 2007. 191 p.
3. Lagarde A., Michard L. XX siècle. Paris : Bordas, 1962. 762 p. (Collection littéraire).
4. Ploquin F. L'Étranger, un roman fascinant // Le Français dans le monde. 2013. № 389. P. 96—99.

Н. Г. Лаврентьева

ОСНОВНЫЕ АКЦЕНТНЫЕ МОДЕЛИ АНГЛИЙСКИХ БИНАРНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ЯЗЫКАХ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Проблема бинарных терминологических словосочетаний, функционирующих в LSP, рассматривается с точки зрения их фонетического оформления. Приводятся основные акцентные модели английских бинарных терминологических словосочетаний, а также намечаются возможные направления варьирования их акцентных структур.

Ключевые слова: акцентная модель, ударение, бинарное терминологическое словосочетание, язык для специальных целей.

The problem of binary terminological units functioning in LSP is considered from the point of view of their pronunciation. The article deals with the main accentuation patterns of English binary terminological units as well as with their possible variations.

Key words: accentuation pattern, word stress, binary terminological unit, LSP.

Языки для профессиональных целей привлекают внимание ученых-лингвистов, а также преподавателей английского языка как иностранного, что связано с необходимостью подготовки узких специалистов, способных конкурировать на мировом рынке труда. Несомненно, семантическим ядром, или основой, языков для специальных целей (LSP) является терминология. Однако в последнее время исследование сферы профессиональной коммуникации сместилось в сторону комплексного изучения LSP во всей их многоаспектности. Реализуя в полной мере основную функцию любого языка — быть средством общения, LSP представлены не только письменным, но и устным дискурсом, в связи с чем растет внимание к фонетической стороне профессиональной речи. Залогом успешного процесса коммуникации, наряду с правильным использованием необходимых специальных терминов, выступает их адекватное фонетическое оформление в речи.

Большинство исследователей склоняются к мысли о том, что наиболее продуктивным способом терминообразования в LSP является синтаксический с преобладанием двухкомпонентных субстантивно-атрибутивных терминологических словосочетаний (ТС) [9]. С. Г. Тер-Минасова на конкретном языковом материале рассматривает вопрос о соотношении типов словосочетаний с функциональными стилями речи [7]. При анализе научных текстов выяснилось, что среди словосочетаний, характерных для данного функционального стиля, на первый план выдвигаются составные двулксемные термины. Так, согласно результатам исследования подобные терминологические словосочетания в базовой экономической лексике составляют 85 % [10, с. 17], в языке медицины — около 70 % [2]. Н. Э. Додонова, рассматривая терминологии различных предметных областей (экономики, медицины, технических наук, военного дела, гуманитарных наук), приходит к выводу о том, что для науч-

но-технической терминологии английского языка характерны беспредложные конструкции, то есть в развернутых терминологических словосочетаниях отдается предпочтение препозиции признакового компонента [3]. Обсуждая проблему свободы/связанности терминологических словосочетаний, К. Я. Авербух проводит параллель с фразеологизмами, отмечая, что ТС занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами (благодаря способности ТС воспроизводиться в научной речи, когда оно соотносится с одним и тем же специальным профессиональным понятием) [1, с. 121]. Однако природа связанности компонентов ТС понятийная, а не семантическая, как у фразеологизмов. Наблюдения С. Г. Тер-Минасовой показали, что большинство ТС являются несвободными, а категория клишированности принимается за основу [7]. К наиболее продуктивным моделям образования двухкомпонентных терминологических словосочетаний относятся следующие: N + N (*semiconductor nanostructures, market price, face value*), Adj + N (*functional proteins, economic good, public company, diastolic pressure*). Около 40 % терминологических словосочетаний образуются по указанным моделям [2, 9, 10]. Среди двухкомпонентных ТС можно выделить и термины, в состав которых входят причастия: PII + N (*advanced bioanalysis, limited company*), PI + N (*processing techniques, borrowing costs*), а также термины, образованные по модели N + ing-form (*drug targeting*).

Проведя анализ последних фонетических исследований, где в фокусе внимания находилась просодия дискурса наиболее динамично развивающихся LSP — языка экономики, медицины и нанотехнологий [2, 8], можно сделать вывод о том, что с фонетической точки зрения ТС не распадается на составляющие элементы, а представляет собой просодически монолитную структуру. Слово в составе такого словосочетания подчиняется действию синтаксической просодии. ТС всегда ударны, и их акцентная выделенность тесно взаимосвязана с семантикой слова в дискурсе. Этот факт находит свое отражение в том, что последний компонент ТС обычно маркируется ядерным тоном Low-Fall. Именно субстантивный компонент имеет больший семантический вес по отношению к определениям, находящимся к нему в препозиции.

Наиболее частотными акцентными моделями двухкомпонентных ТС являются следующие:

- ┌┌: *coronary thrombosis, arterial wall, drug targeting, market survey*;
- ┌┌┌: *masculocutaneous nerve, endothelial cell, medical nanotechnology*;
- ┌┌┌: *biliary peionitis, quantum superposition*;
- ┌┌: *atomic scale, toxicity test, sales force*.

Как видно из приведенных выше примеров, три ударения имеют термины, в компонентный состав которых входят приставки или суффиксы. Количество аффиксов в LSP действительно велико, так как английский усваивает слова и словоэлементы, заимствованные из других языков.

Исследователи научно-технической терминологии и терминологии LSP О. Б. Иванова [4, с. 36] и М. А. Мартемьянова [6, с. 97] отмечают, что продуктивными в интересующей нас группе лексики являются как исконно английские суффиксы: *-ing (pumping, crediting)*, *-er/or (nanosensor)*, *-y (anisotropy)*, *-ness (distinctiveness)*; так и заимствованные: *-ment (complement)*, *-ance (insurance)*, *-(i)ty (diversity)*, *-tion/ation (nanofabrication)*, *-ics (nanofluidics)*, *-ology (nanometrology)*, *-sis (pyrolysis)*.

тивность в норме даже при изолированном произнесении — 74,5 % [5, с. 27]. Варьирование идет в основном в двух направлениях:

- 1) $\perp$ versus $\perp\perp$: *delivery charge, market share*;
- 2) $\perp$ versus $\perp\perp$: *labour force*.

Варьирование акцентно-ритмических структур не наблюдается у бинарных терминов, компоненты которых представляют собой многосложные слова. Для подобных образований характерна акцентная структура с двумя равноправными ударениями, например: *accountant executive, sales performance*. Акцентное варьирование также отсутствует у терминов, имеющих в большинстве источников слитное или дефисное написание. Они объединены одним ударением на первом компоненте, например *workload* [5, с. 28].

Бинарные субстантивно-атрибутивные ТС, относящиеся к таким LSP, как язык медицины и нанотехнологий, напротив, демонстрируют высокий процент отсутствия акцентных вариантов. В языке медицины он составляет 72,4 % [2, с. 127], а в языке нанотехнологий — 83 % [8, с. 19]. Данный факт можно объяснить «привычностью фонетической формы терминологических словосочетаний» для специалистов [там же].

Библиографический список

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. М. : Изд-во МГУ, 2006. 252 с.
2. Васина М. В. Акцентное оформление терминологических словосочетаний в английском медицинском дискурсе : (к проблеме русской интерференции) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004. 212 с.
3. Додонова Н. Э. Англо-русские соответствия в акцентно-ритмической реализации многокомпонентных терминов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2000. 23 с.
4. Иванова О. Б. Динамика становления терминологии новой предметной области : (на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 294 с.
5. Лаврентьева Н. Г. Акцентные модели специальной терминологии: норма и вариативность : (на материале подязыка экономики) // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 1. С. 25—29.
6. Мартымянова М. А. Особенности формирования современных научных технических терминологических систем : (на примере терминов нанотехнологий) : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 165 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика : (общая и английская синтагматика составных номинативных групп). М. : Изд-во МГУ, 1980. 200 с.
8. Фокина С. Л. Акцентуация терминологических словосочетаний в подязыке нанотехнологий : (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013. 24 с.
9. Фокина С. Л. Структурный и фонетический аспекты терминосистемы нанотехнологий // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/105-7106> (дата обращения: 20.01.2014).
10. Худиница Е. А. Особенности становления и развитие английских базовых терминов в подязыке экономики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 21 с.

ИДЕОЛОГИЯ И ПЕРЕВОД (На примере общественно-политических текстов)

Статья посвящена одному из самых актуальных вопросов современного переводоведения — влиянию идеологии на перевод. На материале анализа официальных переводов общественно-политических текстов доказывается точка зрения, что идеология перевода заключается не только в переведенном тексте, но также в высказываниях, оборотах, установке переводчика и значимости этого текста для воспринимающей аудитории. Выбор слов и грамматических конструкций представляет собой практику одновременно когнитивно семантизированной и вербально грамматикализованную.

Ключевые слова: перевод, идеология, когнитивно семантизированный и вербально грамматикализованный перевод.

The article deals with one of the most crucial issues of modern translation studies — ideology and translation. The analysis of official translations of socio-political texts proves that ideology of translation resides not simply in the text translated, but in the voicing and stance of the translator, and in its relevance to the receiving audience. The word choice and grammar constructions is the experience that is both cognitively semanticized and verbally grammaticalized.

Key words: translation, ideology, cognitively semanticized and verbally grammaticalized translation.

С середины 90-х годов прошлого столетия в переводоведении, особенно западном, стало появляться довольно много работ, посвященных изучению перевода с социальной, психологической, идеологической, культурологической и прочих сторон (D. Bruce, B. Hatim, J. Munday, I. Mason, C. Nord, C. Schäffner, M. Tymoczko, H. Basil, M. Beaton, P. Chilton, D. Kelly, M. Edelman, P. Fawcett, etc.). В них поднимается вопрос о переводе как инструменте манипуляции, о проявлении идеологии в процессе перевода.

Идеология представляет собой систему идей и взглядов, которая составляет крупные силовые блоки в нашем обществе и управляет ими. Язык играет посредническую роль, поскольку служит для узаконивания взаимоотношений между организованными идеологическими силами. Ф. Сиржан справедливо отмечает, что идеология языка может являться «правильной» концептуализацией языка или отступать от фактов и становиться ошибочной, неверной интерпретацией языка [13]. Идеологии формируют основы систем воззрений или общественных представлений отдельных групп [16].

Идеология перевода представляет собой соединение содержания текста оригинала и различных речевых актов, представленных в исходном тексте, который соответствует исходному контексту, наложенному на представление о содержании, его важности и значимости для воспринимающей аудитории, и различных речевых актов самого перевода, отвечающих запросам целевого контекста, а также резонансу и расхождениям, неточностям в этих двух «высказываниях» [14]. Иными словами, идеология перевода заключается не только в переведенном тексте, но также в высказываниях, оборотах, установке переводчика и значимости этого текста для воспринимающей аудитории.

На наш взгляд, рассмотрение перевода с разных сторон отражает полисистемный подход, о котором говорит Э. Честерман: «Перевод как занятие ставят в один ряд с такими видами компиляционной и переделывающей деятельности, как составление антологий и историография. В этой связи поднимаются вопросы о власти и идеологии, а в современный научный обиход вошло понятие манипуляции... Что бы там ни говорили сторонники теории эквивалентности, “любой перевод предполагает определенные манипуляции с оригиналом, производимые с той или иной целью” (Т. Hermans; Р. Fawcett), а тексты перевода, в свою очередь, оказывают манипуляторское воздействие на культуру переводящего языка, формируя в числе прочего восприятие этой культурой культуры языка оригинала» [8, p. 38].

Представляется целесообразным обратиться к отрывкам из перевода ежегодного послания президента РФ В. Путина Федеральному собранию, полный текст которого и оригинал речи размещен на сайте Кремля*.

В целом перевод выполнен на высоком профессиональном уровне. Вместе с тем важно обратить внимание на выбор слов и грамматических конструкций и оборотов для передачи идеи обращения к гражданам России, а также всему мировому сообществу. Подобный отбор представляет собой, на наш взгляд, практику одновременно «когнитивно семантизированную и вербально грамматикализованную» («*cognitively semanticized and verbally grammaticalized*») [10, p. 452].

Например, предложение «Прошедшие недавно выборы показали, что в политической жизни стало меньше *официоза, заорганизованности, заранее прогнозируемых результатов*» переводчик представил как «Recent elections demonstrated that today there is *less officialdom, bureaucracy, and predictable results in our political life*». Очевидно, что грамматически переводчик соблюдает перенос *официоз* (абстрактное существительное) — *officialdom* (noun). Интересно, что в семантике русского слова *официоз* присутствует сема ‘принадлежность официальной власти, близость к ней’, поскольку многие словари русского языка в качестве первого значения регистрируют: «печатный орган, выражающий точку зрения правительства, но не являющийся его официальным органом» [3, 4, 5], что более соответствует английскому словосочетанию *semiofficial newspaper*, но не *officialdom* — «the class or entire body of officials; officials as a whole» [9] («чиновничество; бюрократизм» [7]). На наш взгляд, предложенный вариант более точно передает смысл высказывания президента РФ, подчеркивает демократический характер выборов, политической борьбы. Вместе с тем он не отражает потенциально возможную иную семантику — участие в политической борьбе лиц, близких к власти, чиновников. В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой зафиксировано значение слова *официоз* — «лица близкие к власти» [2]. В данном ключе переводчик может передать предложение на английском: «Recent elections demonstrated that today there are fewer *pro-government officials* in our political life». Безусловно, подобный вариант отражает негативную для власти сторону политической жизни, подчеркивает потерю сторонников и признание президентом ослабления своих позиций в общественно-политической жизни страны. С идеологической точки зрения такое восприятие недопустимо. Вместе с тем *официоз* можно понять в данном контексте как «официальность, регламентированность, запрограммированность, формализм», искоренение которых, без со-

---

* URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 20.02.2014).

мнения, является положительным демократическим изменением; в качестве переводного эквивалента возможно предложить *officiality/formalism*.

Таким образом, переводной эквивалент на сайте Кремля *officialdom* отражает идею «когнитивно семантизированного и вербально грамматикализованного» подхода.

Лексическая единица *заорганизованность* имеет следующее словарное значение: «Чрезмерный формализм в организации какого-либо дела, при котором исполнители не могут проявлять инициативу» [1, 6]. Предложенный переводной эквивалент *bureaucrasy* в некоторой степени отражает общую семантику слова, но теряет оттенок чрезмерности и формальности, а также грамматический признак отглагольного существительного, то есть результат или процесс свершения какого-либо действия. Ранее была рассмотрена разница в семантике существительного *bureaucrasy/бюрократия* в английском и русском языке [12]. Представляется возможным использовать слово *bureaucratization* в качестве переводного эквивалента в настоящем контексте («the formation of, or the conversion of something into, a bureaucracy» [17]), поскольку оно более вербально грамматикализовано и более точно передает смысл высказывания.

Необходимо обратить внимание также на предложение «Проведение преобразований затянулось, и затянулось недопустимо» и его перевод «*It is taking us a long time to make these changes — an unacceptably long time*». С одной стороны, в русском языке *проведение затянулось* в некоторой степени подчеркивает, что данная проблема связана с внешними факторами, но не действиями или желаниями говорящего и его сторонников, то есть снимается вина за происходящее, в отличие от английского оборота *It is taking us a long time to make*, где есть явный исполнитель — *мы (us)*. Возможно, английская пассивная конструкция *The reforms performance has been protracted* точнее отражает идею предложения. С другой стороны, *преобразования* предполагают определенную реорганизацию, что несет более конкретную сему по сравнению со словом *изменение (change)*. Таким образом, представляется, что английское слово *reform* ближе по смыслу высказыванию на русском языке, а также отражает глубину и масштабность происходящего в Российской Федерации.

Важно отметить некоторые очень удачные переводы, близкие по менталитету и духу англоязычному, особенно американскому, обществу. Например: «Мы вместе должны *справиться с этим вызовом*, должны защитить межнациональный мир, а значит, единство нашего общества, единство и целостность Российского государства» — «*Together we must rise to the challenge; we must safeguard interethnic peace and thus the unity of our society, the unity and integrity of the Russian state*». Семантически глагол *справиться с* и *rise to* близки, но в английском дополнительно звучит призыв к совместным действиям, которые бы объединили людей в трудный момент, что непременно отвечает патриотическому настрою любой нации. Этот эффект усиливается переводчиком инверсией в английском языке (*together we must rise*), позволяя манипулировать и акцентировать единение граждан.

Таким образом, представляется возможным предположить, что влияние идеологии как всепроникающего и непроизвольного мировоззрения — одновременно осознанное и неосознанное явление. Следовательно, с одной стороны, переводчик, безусловно, принимает обдуманное и взвешенное решение в каждом шаге переводческого процесса, с другой стороны, текстовые воплощения, реализации осуществляются через выбор лексико-грамматических структур, который может быть эксплицитным, но чаще он автоматический.

Это дает основания утверждать, что подобный выбор является «идеологическим» в том смысле, что лексическая подготовка и компетентность человека выражает, передает мнение и зависит от взглядов, которые составляют «основу общественных представлений, разделяемых членами группы» [15, р. 8], и от его социального опыта и образования [11, р. 181].

В заключение необходимо подчеркнуть, что изучение взаимодействия идеологии и языка, идеологии и коннотации, анализ политического дискурса, а также рассмотрение вопроса о статусе идеологизированного компонента в семантической структуре общественно-политической терминологии приобретают сегодня большую популярность. Вводятся новые понятия, например «идеологема» (В. М. Амиров, Г. Ч. Гусейнов, Н. И. Клушина, Н. А. Купина, А. П. Чудинов, А. Х. Абузярова, Г. В. Овчинникова, О. И. Воробьёва), «политемы» (О. И. Воробьёва), «референтные знаки» (Е. И. Шейгал), «социологема» (О. И. Воробьёва), «политические аффективы» (Е. И. Шейгал), «инвективы-ярлыки» и «слова-ярлыки» (Е. И. Шейгал). Безусловно, они представляют некоторую сложность при переводе общественно-политических текстов, поскольку именно социально-культурный контекст и влияние власти в значительной степени определяют лексико-грамматический выбор перевода.

Библиографический список

1. Визуальный словарь. URL: <http://jur.vslovar.org.ru/5038.html> (дата обращения: 20.01.2014).
2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный. URL: <http://www.efremova.info/word/ofitsioz.html#Uuv0ofvP-7o> (дата обращения: 20.02.2014).
3. *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=232> (дата обращения: 20.01.2014).
4. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО, 2006. 672 с.
5. *Москвин А. Ф.* Большой словарь иностранных слов. М. : Центрполиграф, 2007. 816 с.
6. *Яценко Н. Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/z/zaorganizovannost5.html (дата обращения: 20.01.2014).
7. *ABBY Lingvo 12.* Moscow : ABBYY, 2006. 1 electron. opt. disk (CD-ROM).
8. *Chesterman A.* Memes of Translation : the Spread of Ideas in Translation Theory. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1997. 219 p.
9. Dictionary.com. URL: <http://www.dictionary.com> (дата обращения: 20.01.2014).
10. *Halliday M., Matthiessen C.* An Introduction to Functional Grammar. London : Hodder Arnold, 2004. 689 p.
11. *Hoey M.* Lexical Priming: a New Theory of Words and Language. London : Routledge, 2005. 202 p.
12. *Manik S.* Evaluation component within the semantic structure of socio-political words // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXI Century / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 231—244.
13. *Seargeant P.* Language ideology, language theory and the regulation of linguistic behavior // Language Sciences. 2009. Vol. 31, № 4, July. P. 345—359.
14. *Tymoczko M.* Ideology and the position of the translator: in what sense is a translator «In Between» // Calzada-Pérez M. Apropos of Ideology : Translation Studies on Ideology — Ideologies in Translation Studies. Manchester : St. Jerome, 2003. P. 181—202.
15. *Van Dijk T.* Ideology: a Multidisciplinary Approach. London : Sage, 1998. 390 p.
16. *Van Dijk T.* Principles of critical discourse analysis // Wetherell M., Taylor S., Yates S. J. Discourse Theory and Practice : a Reader. London : Sage, 2001. P. 300—317.
17. Wordnik. URL: <https://www.wordnik.com/words/bureaucratization> (дата обращения: 20.01.2014).

ББК 82.3(0)-1

М. В. Ополовникова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАФОРЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДКАХ

Рассматриваются лингвокультурологические особенности метафоры в народной загадке, обусловленные спецификой национального мировидения. Установлено, что в немецких и русских загадках о солнце и месяце, отражающих наивную космологию, сферы-источники метафор совпадают, однако различаются по частоте использования и конкретным образам. Выявлено, что анимистические метафоры, как правило, не мотивированы с точки зрения семантики и коренятся в народных поверьях, а в случае использования прозрачных метафор основанием для метафорического переноса выступает сходство формы и цвета.

Ключевые слова: загадка, метафора, метафорический перенос, сфера-цель, сфера-источник, семантика, языковая картина мира, космология, анимизм, антропоморфизм.

This article discusses linguistic and cultural features of metaphors in folk riddle, which are related to the specifics of the national worldview. It was found that in German and Russian riddles about the sun and moon, reflecting the naive cosmology, source domain and target domain of metaphors coincide, but differ in the frequency of use and the specific images. It was found that animistic metaphors are usually not motivated in terms of semantics and rooted in folk beliefs, and in the case of transparent metaphors the basis for metaphorical transfer is similarity of shape and color.

Key words: riddle, metaphor, metaphorical transfer, source domain, target domain, semantics, language world picture, cosmology, animism, anthropomorphism.

Народная загадка как один из основных малых жанров фольклора является объектом изучения литературоведов, лингвистов, культурологов. Широкий интерес ученых к этому виду текстов неслучаен: загадка обладает спецификой, которая обусловлена, с одной стороны, ее важной функцией в сохранении и передаче культурных представлений, обычаев и знаний народа, а с другой стороны, особым лексико-синтаксическим и образно-стилистическим оформлением. Загадка является неотъемлемым элементом культуры многих народов и, наряду с пословицами, поговорками, притчами, входит в качестве одного из основных компонентов в паремиологический фонд языка (см., напр.: [6, с. 80—107]), выражающий жизненный опыт народа в форме кратких клишированных изречений. Считается, что в паремиях всех народов мира отражаются одинаковые типовые ситуации, которые различаются «лишь образами, с помощью которых передается логическое содержание» [10].

С точки зрения структуры и языкового оформления выделяют несколько типов загадки, однако центральное место во всех классификациях занимает метафорическая загадка. Еще со времен античности бытует мнение, что

загадка — это хорошо составленная метафора. Метафора в загадках «характеризует специфику их содержания и формы, лежит в основе их стилистической и композиционной организации, определяет сами творческие принципы художественного отражения действительности. Метафора — душа загадки. Понять метафору — значит понять саму загадку, раскрыть ее суть, определить ее жанровые особенности» [4]. Анализ функционирования метафоры в немецких и русских загадках позволил установить, что специфика жанра оказывает существенное влияние на ее употребление и трактовку.

Из множества взглядов на природу и сущность метафоры, по нашему мнению, наиболее релевантным для ее анализа в загадке является субституциональный подход, согласно которому «метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения» [2, с. 153]. Однако даже при таком подходе не всегда понятно, на каком основании базируется метафорический перенос, поскольку лингвистический семный анализ значения основного и вспомогательного субъектов метафоры не выявляет общих семантических компонентов.

Образность загадки, составляющая специфику этого жанра текстов, часто носит условный характер и опирается на традицию: «Образы таких загадок навеяны мифологией и древними условными обозначениями, с которыми загадка связана своим происхождением» [1, с. 85]. Это предопределяет оправданность лингвокультурологического подхода к исследованию метафоры в загадке, в рамках которого проводится «анализ языковых явлений, направленный на выявление национально-культурной специфики» [3, с. 73].

Существует два основных подхода к классификации загадок: «по способу описания загадываемого объекта либо по разгадке» [8, с. 82]. Тематическая классификация загадок является одной из самых распространенных и используется как отечественными (Д. Н. Садовников, М. А. Рыбникова, В. В. Митрофанова), так и зарубежными (J. Dahl) учеными и составителями сборников загадок. В качестве загадываемых объектов выступают, как правило, предметы и явления окружающей действительности, относящиеся к «наивной» картине мира. Тематические группы загадок сходны у большинства народов: это человек, части тела, животные, предметы быта, природные явления и т. д. В качестве предмета нашего исследования мы избрали немецкие и русские народные метафорические загадки о солнце (Sonne) и месяце (Mond). Примеры русских загадок взяты из сборника Д. Н. Садовникова [7], немецких — из книги К. Шиттек [9].

Группа загадок, отражающих космологию (знания о мире в целом) того или иного народа, также является неотъемлемой частью фольклора. Несмотря на то что в наивной картине мира как немецкого, так и русского народа присутствует одинаковый набор «элементов» мироздания (в загадках встречаются земля, небо, солнце, месяц/луна, звезды), имеются различия в их образном и функциональном представлении. Интересно проследить, какие метафоры используются для описания объектов наивной космологии и какие факторы могут влиять на выбор того или иного метафорического образа. В качестве гипотезы исследования выступает предположение, что в классической народной метафорической загадке выбор метафоры связан с культурно-исторической традицией и опирается на бытующие в народе предания и поверья, то есть специфика метафоры определяется культурно обусловленными особенностями мировидения народа, которые находят отражение в языковом оформлении загадки.

Солнцу как одному из основных компонентов мироздания посвящено множество загадок, кроме того, образ солнца часто встречается в текстах загадок о других объектах, то есть солнце может выступать сферой-целью как основной, так и вспомогательных метафор. Отметим, что грамматический род не является релевантным фактором при выборе метафоры ни в немецких, ни в русских загадках: в немецком языке слово *die Sonne* — это существительное женского рода, в качестве метафор могут выступать существительные как женского рода (*die Frau*), так и мужского (*der Bruder*) либо среднего (*das Honigschälchen*). В русских загадках слову *солнце* (существительное среднего рода) соответствуют метафоры не только среднего рода (*веретено*), но и мужского (*хозяин*), и женского (*сестра*).

Для метафорического представления солнца в загадках в качестве сферы-источника используются следующие понятийные области: «Человек», «Предмет», «Животное», «Растение», «Еда». Первые три из них наиболее многочисленны и охватывают примерно 85 % всех метафорических переносов как в немецких, так и в русских загадках, однако частотность разных групп имеет существенные отличия.

В немецких загадках солнце часто персонифицируется, при этом значительно преобладает метафора человека (45 % всех метафор со сферой-источником «Человек» и 15 % со сферой-источником «Животное»). В русских загадках количество анимистических метафор также довольно высоко, наблюдается лишь незначительное преобладание антропоморфной метафоры (52 % всех метафор: 28 % со сферой-источником «Человек», 24 % со сферой-источником «Животное»). Анимизм, как «наивное отождествление неодушевленного объекта с одушевленным» [5, с. 93], характерен для древних цивилизаций, где одушевлялись и обожествлялись природные силы и материальные объекты.

Метафоры со сферой-источником «Предмет» встречаются в четверти (25 %) всех немецких загадок и находятся на втором месте по частотности после метафор со сферой-источником «Человек». В русских загадках метафорические переносы со сферой-источником «Предмет» являются доминирующими и используются более чем в трети примеров (36 %).

Метафоры со сферой-источником «Растение» и «Еда» сравнительно малочисленны в обоих языках и совокупно охватывают 15 % случаев в немецких загадках и 12 % в русских. Что касается конкретно-образного наполнения указанных групп, то в немецких и русских загадках можно выявить как сходства, так и различия. Рассмотрим каждую группу более подробно.

При анимизме в качестве метафор со сферой-источником «Человек» в немецких загадках используются *Jungfrau*, *Jungfer*, *Frau*, *Schwester*, *Bruder*, *Hirt*, *König*, *Glänzender*.

- (1) Flog Vogel federlos auf Baum blattlos.
 Kam **Frau** fußlos, fing ihn handlos,
 briet ihn feuerlos, fraß ihn mundlos.
 (Schnee und Sonne) (№ 440)

В (1) солнце представлено метафорой *Frau*, которая уточняется эпитетом *fußlos*. Метафора немотивированна, так как основания для метафорического переноса неясны и не могут быть выявлены исходя из компонентного анализа значения слов (отсутствуют общие семы).

- (2) Blaue Wiese, weiße Kühe,
zwei *Hirten*:
der eine silbern, der andere *golden*.
(Himmel mit Wolken, Sonne und Mond) (№ 393)

В (2) для указания на две разные сферы-цели («Солнце» и «Месяц») используется один метафорический мужской образ — *Hirt*, который конкретизируется эпитетами *silbern* для обозначения месяца и *golden* для обозначения солнца.

В русских загадках в качестве метафор со сферой-источником «Человек» выступают *девушка*, *девица*, *барыня*, *сестра*, *хозяин*, *Миколка*.

- (3) Красная *девушка*
По небу ходит.
(Солнце) (№ 1887)
- (4) *Барыня* на дворе,
А рукава — в избе.
(Солнечный луч) (№ 1894)

В примерах (3), (4) метафоры для солнца — это женские образы девушки и барыни; как и в случае с немецкой загадкой (1), общие признаки сферы-источника и сферы-цели неясны, метафоры являются немотивированными.

- (5) Золот *хозяин* — на поле;
серебрян пастух — с поля.
(Солнце и месяц) (№ 1907)

Мужской образ хозяина в загадке (5) символизирует солнце, подчеркивая его превосходство по отношению к пастуху-месяцу в отличие от немецкой загадки (2), где солнце и месяц равноправны и представлены одной метафорой.

Сопоставление немецких и русских метафор показывает, что в русских загадках солнце предстает в первую очередь как женский образ (4 номинации), в немецких же — и как мужской (4 номинации), и как женский (4 номинации). При этом женские образы, используемые в качестве метафорической номинации солнца, практически идентичны в русских и немецких загадках (единственное отличие — русское слово *барыня* в (4), эквиваленты которого отсутствуют в немецких загадках), мужские же образы в немецких и русских загадках различны.

В случае, когда сферой-источником выступает «Животное», это может быть домашнее животное, птица или рыба. Зооморфная метафора не столь характерна для немецких загадок и представлена такими вариантами, как *Hund*, *Vogel*, *Fisch*:

- (6) Ein bunter *Hund* sitzt auf dem Schafstall,
sein Schwanz ist im Schafstall?
(Sonnenstrahlen) (№ 216)

В данном примере метафора *Hund* — это метафорическое обозначение солнца, а *Schwanz* — его лучей.

В русских загадках зооморфные метафорические образы более разнообразны: в группе домашних животных присутствуют корова, бык, кошка; в группе птиц — птица, птичка Говорок; в группе рыб — щука.

- (7) Бурая *корова*
Через прясло глядит.
(Солнце) (№ 1889)

В русской загадке (7) солнце представлено метафорой *корова*, основания для такого переноса значения неочевидны.

Интересен тот факт, что в русских загадках в качестве компонента метафоры достаточно широко используются также имена собственные (Миколка, птичка Говорок), что нехарактерно для немецких загадок. Например:

- (8) Встану на горку,
На маковку,
Увижу *Миколку*
На заповке.
(Восход солнца) (№ 1905)

В большинстве случаев, когда солнце отождествляется с одушевленным предметом и используются метафоры со сферой-источником «Человек» или «Животное», лингвистический анализ не дает возможности установить основание для переноса и метафоры такого вида представляются немотивированными. Однако, несмотря на кажущуюся необоснованность употребления той или иной метафоры, многие образы встречаются и в немецких, и в русских загадках, что позволяет предположить неслучайность их появления. Сравним немецкую и русскую загадки:

- (9) *Schwester* und Bruder
gehen täglich über einen See.
(Sonne und Mond) (№ 346)
- (10) *Сестра* к брату в гости идет, а он от сестры прячется.
(Солнце и месяц) (№ 1909)

Примеры (9) и (10) представляют собой структурно различные загадки, в которых, однако, используются одинаковые метафоры для сферы-цели «Солнце» (*Schwester/сестра*) и сферы-цели «Месяц» (*Bruder/брат*). Поскольку с точки зрения семантики выявить основание для переноса значения затруднительно, а употребление этих метафор в разных загадках свидетельствует об их неслучайном характере, то можно предположить, что уместность этих образов обусловлена культурным контекстом.

Заметим также, что многие анимистические метафоры сопровождаются эпитетами, которые характеризуют не только (и, может быть, не столько) образ-метафору, но и скрывающийся за ней образ солнца: *goldener Hirt* в (2), *bunter Hund* в (6), *красная девушка* в (3), *золот хозяин* в (5), *бурая корова* в (7).

Метафоры для солнца со сферой-источником «Предмет» широко представлены в русских загадках: *шар, вертушечка, коклюшечка, кадушка, кружка, станушка, чурка, бревно, веретено, прут, суконце*. В немецких загадках этот набор значительно меньше: *Honigschälchen, Haspel, Herd, Leuchter, Eimer*. Немецкие и русские загадки используют схожие метафоры, чтобы указать на признаки круглой формы и движения:

- (11) По заре зарянской
Катится *шар* вертаянский;
Никому его не обойти,
Не объехать.
(Солнце) (№ 1890)

- (12) Drehende *Haspel*,
über dem ganzen Wald ist sie gewesen,
hat weder Brot gegessen noch
Wasser getrunken,
ist nach Hause gekommen,
hat sich hinter der Tür versteckt?
(Sonne) (№ 396)

Шар в (11) и *Haspel* в (12), использованные в загадках в качестве метафоры солнца, обозначают круглые, вращающиеся предметы, именно эти характеристики лежат в основании переноса значения.

Признак «источник тепла/света» служит базой для метафорического переноса в немецких загадках (метафоры *Herd*, *Leuchter*). Например:

- (13) Ein *Herd*, der die ganze Welt wärmt.
(Sonne) (№ 400)

Неясным представляется основание для переноса в русских метафорах *кружка*, *кадушка* и немецкой *Eimer*, объединенных схожим образом:

- (14) Катилась *кадушка*,
Золотая *кружка*,
Через царя, через царицу,
Через красную девицу.
(Солнце) (№ 1893)

- (15) Es sind zwei *Eimer* am Himmel,
die tauchen ins Meer,
geht der eine hinunter,
so kommt der andere herauf.
(Sonne und Mond) (№ 389)

Возможно, что, как и в вышерассмотренных примерах (11) и (12), перенос значения в (14) и (15) происходит на основе общности формы (круга), однако присущий всем этим предметам признак «сосуд» позволяет предположить, что имеются еще некие основания, оправдывающие употребление именно этих метафор.

Как и в случае с анимистическими метафорами, во многих русских загадках метафорически употребленное слово сопровождается эпитетом, характеризующим загадываемый объект. Наиболее частотный эпитет метафор этой группы *золотой*: *золото бревно*, *золото веретено*, *золотой прут* и т. п.

Итак, можно отметить, что метафоры со сферой-источником «Предмет» в большинстве случаев прозрачны и мотивированны, основания для переноса схожи в загадках обоих народов. Все предметы, названия которых использованы в качестве метафорического описания солнца, типичны для крестьянского быта.

Месяц (луна) — еще один обязательный элемент наивной модели Вселенной, встречающийся в загадках. Русские народные загадки, где фигурирует месяц, более многочисленны и разнообразны, чем немецкие. Сферы-источники метафор для сферы-цели «Месяц» — это «Человек», «Животное», «Предмет», «Еда», «Физические явления».

На долю персонификаций, так же как и в случае с метафорами для сферы-цели «Солнце», приходится более половины употреблений и в немецких загадках (51 %, в том числе 29 % метафор со сферой-источником «Человек» и 22 % — со сферой-источником «Животное»), и в русских (59 %, в том числе

35 % антропоморфных метафор и 24 % — зооморфных). Качественный состав метафор данных групп, однако, отличается от того, что наблюдался для описания солнца.

В немецких загадках используются следующие антропоморфные метафоры для месяца: *Hirt, Bruder, Alterchen*; в русских — *брат, пастушок, пастух* (часто сопровождается именем собственным *Лыжинский, Фарафоновский, Королецкий, Дьяконский* и т. п.), *Антошка*.

- (16) Ein glotzüugiges *Alterchen* hängt
über dem Wasser?
(Mond) (№ 398)

В (16) слово *Alterchen* является метафорой для месяца, основания для метафорического переноса, как и в большинстве случаев анимизма, неясны и лежат, очевидно, за рамками лексического значения используемых единиц.

- (17) Поле велико Романовско,
На поле скот Оверьяновский,
Пасет *пастух* Фарафоновский.
(Небо, звезды и месяц) (№ 1944)

Метафора *пастух* в (17) — одна из наиболее частотных в русских загадках для сферы-цели «Месяц».

В загадках обоих народов встречается схожий набор образов, но в отличие от метафор солнца все метафоры месяца со сферой-источником «Человек» представляют собой мужские персонажи. Использование имен собственных, как и в загадках о солнце, характерно только для русских текстов.

Метафоры со сферой-источником «Животное» богаче представлены в русских загадках, хотя и относятся все (за единственным исключением: *медведь*) к одной подгруппе «Домашние животные»: *жеребец, мерин, конь, корова, вол, баран*.

- (18) С вечера сивый *жеребец*
В подворотню глядит,
В полночь *жеребец*
Через кровлю бежит.
(Месяц) (№ 1913)

Образ жеребца в (18) является метафорой месяца. Данный метафорический перенос представляется немотивированным, хотя наиболее часто встречается в русских загадках. В немецких загадках в группу зооморфных метафор входят *Ziegenbock, Henne, Fisch*.

Отметим, что образы, используемые в русских и немецких загадках, различны, а общие признаки, лежащие в основе метафоры, не всегда удается установить с помощью анализа семантики. Основания для метафорического переноса в ряде персонификаций достаточно прозрачны, их можно разделить на две группы.

1. Внешнее сходство по форме («рога») в случае образов животных, таких как баран, *Ziegenbock* и т. п. Например:

- (19) Ich breitete eine Büffelhaut aus,
schüttete Pulver zum Trocknen darauf
und band einen *Ziegenbock* an,
um es zu beschützen?
(Himmel, Sterne und Mond) (№ 390)

- (20) **Баран** в хлеве,
Рога — в стене.
(Месяц) (№ 1914)

И козел (*Ziegenbock*), и баран, используемые в немецкой и русской загадках в качестве метафорического образа месяца, — это животные, одним из ярких отличительных внешних признаков которых является наличие рогов. В (20) прямо указывается на этот атрибут, который делает возможным и ясно мотивированным метафорический перенос.

2. В большинстве загадок, где месяц фигурирует вместе со звездами, в качестве основания метафорического переноса также выступает внешнее сходство, но более абстрактное, базирующееся на образном восприятии и переосмыслении всей картины в целом («один большой, вокруг которого много маленьких»): *пастух с овечками*, *Henne mit Küchlein*. Например:

- (21) Eine goldene **Henne** mit
goldenen Küchlein?
(Mond und Sterne) (№ 388)
- (22) Поле не меряно,
Овцы не считаны.
Пастух рогатый.
(Небо, звезды и месяц) (№ 1944)

Наседка с цыплятами в (21) представляет собой метафору месяца и звезд. *Пастух*, *овцы*, *поле* — это результат метафорического переосмысления картины звездного неба. Эпитет *рогатый* характеризует образ месяца, скрывающийся за метафорой *пастух*.

В остальных случаях основания для выбора метафоры неочевидны и не могут быть выявлены с помощью лингвистического анализа.

Вторую большую группу со сферой-целью «Месяц» образуют метафоры, имеющие сферу-источник «Еда» (42 % немецких загадок и 24 % русских). Причем если в русских загадках это исключительно «хлебные» образы (*хлеба краюшка*, *калач*, *пирожок*, *каравай*, *ватрушка с творогом*), то в немецких наряду с хлебом (*halbe Brotschnitte*, *Fladenbrot*) в качестве сферы-источника метафор встречаются молочные продукты (*Stück Butter*, *Yoghurt*) и фрукты (*Apfel*, *Quitten*).

- (23) Полна печь пирогов,
Посреди — **каравай**.
(Небо, звезды и месяц) (№ 1943)

В русской загадке (23) *каравай* — это метафорическое обозначение для месяца. Перенос значения базируется на сходстве внешней формы. В немецких загадках (24) и (25) метафорами месяца выступают *кусоч масла* (*Stück Butter*) и *яблоко* (*Apfel*):

- (24) Ein **Stück Butter** im Brunnen.
(Mond) (№ 739)
- (25) Ein Feld voll mit Nüssen,
ein **Apfel** in der Mitte.
(Sterne und Mond) (№ 387)

Можно предположить, что основанием для метафорического переноса в большинстве случаев служит внешнее подобие (форма и цвет):

(26) Ein weißes *Fladenbrot* hängt über
den DachziegelN?
(Mond) (№ 376)

(27) За бабиной избушкой
Висит *хлеба краюшка*;
Собаки лают,
А достать не могут.
(Месяц) (№ 1919)

И *лепешка (Fladenbrot)* в (26), и *хлеба краюшка* в (27) — это метафоры со сферой-целью «Месяц». Возможность переносного употребления данных слов обусловлена внешним сходством обозначаемых ими предметов по форме (круглая у лепешки либо полукруглая у краюшки) и цвету (белый, желтоватый цвет хлеба) с месяцем.

Сфера-источник «Предмет» не столь продуктивна в загадках о месяце, особенно в немецких, в которых сюда можно отнести лишь метафору *Eimer*. В русских загадках набор предметов более обширен: в качестве метафор используются *котел*, *чурка / кусок золота*, *золота кубышка*, *чашка с молоком*, *куст*, *плеть с дугою*. Общим признаком, делающим возможным метафорический перенос, как правило, выступают форма и цвет:

(28) Посередь болота
Лежит *кусок золота*.
(Месяц) (№ 1918)

Как и в случае с метафорами для солнца, не совсем ясно употребление слов, обозначающих предметы с общим признаком «сосуд», в качестве метафор для месяца, например:

(29) Шел я мимо,
Видел диво:
Висит *котел*
В девяносто ведер.
(Месяц) (№ 1916)

(30) Es sind zwei *Eimer* am Himmel,
die tauchen ins Meer,
geht der eine hinunter,
so kommt der andere herauf.
(Sonne und Mond) (№ 389)

Метафоры со сферой-источником «Физические явления» (*огонь*, *пламя*) встречаются лишь в русских загадках:

(31) За морем *огонь*
Добро, ясно горит.
(Месяц) (№ 1922)

Использование в загадках в качестве метафор для месяца слов, обозначающих предметы как круглой, так и полукруглой формы, позволяет предположить, что в русских загадках слово *месяц* применяется для обозначения и собственно месяца, и луны, и следовательно, это слово обладает культурно нагруженными коннотациями, в отличие от слова *луна*, которое в народных загадках не встречается.

Таким образом, сопоставив результаты анализа метафор в загадках о солнце и месяце, можно сделать следующие выводы относительно специфики метафоры в космологических загадках:

— категория грамматического рода не является релевантной при выборе метафорического образа;

— одинаковые сферы-источники метафор обнаруживают разную частотность использования и количественно-качественное наполнение в немецких и русских загадках;

— анимистическое представление солнца и месяца наиболее частотно;

— метафоры антропоморфной и зооморфной группы в большинстве случаев не мотивированы семантикой слов, то есть не имеют общих сем, выявляемых с помощью лингвистического анализа;

— прозрачные метафоры, как правило, используются в группах со сферой-источником «Предмет» и «Еда» и базируются на сходстве по форме и цвету;

— эпитеты, сопровождающие метафоры, часто характеризуют непосредственно загадываемый объект, а не используемый метафорический образ;

— образы, одинаковые в немецких и русских загадках, встречаются в структурно различных текстах, что свидетельствует о совпадении, а не заимствовании символов и, следовательно, представлений в обеих культурах.

Поскольку выбор метафоры осуществляется на основе культурной традиции, отражающей верования и обычаи того или иного народа, можно предположить, что используемые метафорические образы входят в соответствующие концепты и являются элементом национальной картины мира.

Библиографический список

1. Аникин В. Загадка // Словарь литературоведческих терминов. М. : Просвещение, 1974. С. 85—86.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 153—173.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
4. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М. : Высш. шк., 1981. 221 с. URL: http://www.infolib.info/philol/lazutin/2_1.html (дата обращения: 27.01.2014).
5. Москвин В. П. Русская метафора : очерк семиотической теории. М. : ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
6. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. 236 с.
7. Садовников Д. Н. Загадки русского народа. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
8. Сендерович С. Я. Морфология загадки. М. : Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
9. Schittek C. Der Irrgarten : ein Buch voller Rätsel. Frankfurt am Main : Eichborn Verlag, 1992. 290 S.
10. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Паремиология> (дата обращения: 27.01.2014).

Т. А. Таганова

**ЭТНОСТЕРЕОТИП: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Статья посвящена рассмотрению понятия «этностереотип», а также его выраженности в языке и речи. Анализируются коллокации и фразеологические единицы с этнонимами, зафиксированные в англоязычных и русскоязычных словарях различных типов. Отдельное внимание уделяется особенностям анекдотов про представителей «чужих» наций. Рассматриваются примеры автостереотипов и гетеростереотипов. Обосновывается вывод об опасности явления стереотипизирования.

Ключевые слова: национальный характер, этностереотип, автостереотип, гетеростереотип, словарь.

The paper deals with the notion of ethnic stereotype and its representation in the language. The collocations and phraseological units, that are registered in Russian and English dictionaries of different types, are analyzed. Attention is paid to peculiarities of anecdotes about the representatives of «other» nations. The examples of autostereotypes and heterostereotypes are considered. The author makes the conclusion of the danger of stereotypization.

Key words: national character, ethnic stereotype, autostereotype, heterostereotype, dictionary.

Понятия «национальный характер», «национальная ментальность» остаются категориями загадочными и весьма туманными. Тем не менее споры относительно научности данных категорий не утихают. Еще к началу 40-х годов XX века было предложено несколько теоретико-методологических подходов к исследованию национального характера. Заметно выделяются два из них: культурно-центрированный и личностно-центрированный. Последователи культурно-центрированного подхода базировали свои исследования на сравнении моделей воспитания и взаимоотношений в разных культурах, пытались связать культурные особенности с укорененными ценностями, шаблонами, последовательностями действий. Приверженцы личностно-центрированного подхода берут за основу «модальную личность» — типаж, обладающий совокупностью характеристик, якобы присущих всем представителям того или иного социума [5, с. 11].

Рассуждая о национальном характере, одни ученые обращают внимание прежде всего на ценностные ориентации, моральные установки, другие — на совокупность типичных черт, темперамент, третьи — на артефакты. Именно поэтому до сих пор единого понимания того, как стоит трактовать этот феномен, нет. Согласимся с теми, кто считает, что «национальный характер — одно из самых сложных и неразрешенных явлений. Четких критериев его не существует» [2, с. 108].

Наряду с понятием «национальный характер» предлагаются термины «национальная ментальность» — широкая категория, включающая в себя «характерную для людей определенной нации совокупность представлений, ощущений, чувствований относительно окружающего мира, некий опреде-

ленный способ ощущать и воспринимать действительность, мыслить о ней и действовать в ней» [9, с. 7], а также «национальный менталитет» — «наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях» [4, с. 11]. Даже отрицая научность вышеупомянутых категорий, вряд ли кто-то станет оспаривать существование **национальных стереотипов** — устоявшегося мнения о якобы типичных и типических чертах представителей определенных «чужих» наций. **Этностереотип** как данность объективно существующая не раз становился объектом серьезных исследований. Однако, в силу своей переменчивости под воздействием исторических, социальных и культурных условий, этностереотип, предпосылки его возникновения, формы и способы проявления, а также отражение его в языке и, как следствие, в словарях национального языка представляются интересными объектами актуального исследования.

На основе чего возникает у нас представление об этностереотипах? Популярным источником и «распространителем» данного феномена является анекдот. Анекдоты про представителей других национальностей есть практически в любой лингвокультуре. Персонажи в таких историях обычно выступают как нечто «собирабельное», как носители одной, но очень типичной, даже типической черты. Черта эта утрирована, чтобы у слушателя не оставалось сомнений в том, что именно так поступают «все...» (далее — немцы, французы, евреи...) (см. также: [6]). Изучив более 500 анекдотов на русском языке, размещенных в Интернете¹, и примерно такое же количество на английском (рассматривались как американские, так и британские сайты)², можно прийти к выводу, что типические черты представителей разных национальностей в русской, английской и американской лингвокультурах весьма схожи. Оговоримся, что речь идет именно о стереотипах национальных характеров, которые зачастую являются субъективным схематичным ложным популярным мнением. Следует отметить, что в анекдотах фигурируют прежде всего **гетеростереотипы** — представления о «чужой» нации. Итак, американцы в этих историях представляются как люди недалекие, не знающие иностранных языков, но аккуратные, исполнительные, патриотичные, состоятельные, политизированные, ценящие семью и постоянно питающиеся фаст-фудом; они выступают как борцы за права. Британцы предстают истинными джентльменами, вежливыми, однако любящими нецензурно выражаться; к тому же они плохие кулинары. Ирландцы готовы подраться в любой ситуации; часто объектом сатиры становится противостояние католиков и протестантов; высмеивается и пристрастие ирландцев к алкоголю. Французские мужчины любят женщин, вино и революции. Голландцы не подчиняются правилам, ленивы, скуповаты, говорят на трудном непонятном языке, любят выпить. Немцы чтут порядок; они трудолюбивы, рачительны. Китайцы изображаются как нация слишком многочисленная, исполнительная, трудолюбивая, скрытная, не умеющая производить качественные товары; они плохо гово-

¹ URL: <http://fun.deport.ru/anekdote/category9.html> (дата обращения: 25.01.2014).

² URL: <http://mustsharejokes.com/page/Jokes+about+Race+and+Nationality>; http://www.ahajokes.com/ethnic_jokes.html; http://homepage.eircom.net/%257Eodyssey/Quotes/Modern_World/Racist_Humour.html; <http://zompist.com/dutchcult.html>; <http://jokes4all.net/frech.html> (дата обращения: 25.01.2014).

рят по-английски. Итальянцы, судя по анекдотам, говорят на многих языках; при этом они расточительны, галантны, эмоциональны. *Автостереотип* в нашем случае — представление русских о самих себе — сводится к следующему: русские любят выпить, часто употребляют нецензурные выражения; они смекалистые, находят выход из любой ситуации; остроумные и довольствующиеся малым русские — философы; они прямолинейны, но ленивы. Интересен тот факт, что это представление вполне соответствует образу русского в анекдотах на английском языке (гетеростереотип), где любящий выпить, неприспособленный русский всегда находит лучшие решения в трудных ситуациях.

Итак, анекдоты про представителей различных наций и их взаимоотношения являются обширным материалом для исследования особенностей этностереотипов в той или иной лингвокультуре.

Обращаясь непосредственно к языку, а именно к существующим этнонимическим языковым единицам, можно обнаружить немало примеров, способствующих укоренению стереотипов национальных характеров в сознании. Известно множество коллокаций, включающих этнонимы. В их поиске нам поможет прежде всего словарь, где эти единицы зафиксированы как факт языка.

Справочник, в котором особое внимание уделяется информации культурологического плана, *Cambridge Advanced Learner's Dictionary* включает немало фраз, содержащих этнонимы. Вот лишь некоторые примеры [10]:

∪ **Dutch** ∩ **courage** *noun* UK (US **liquid courage**) the confidence some people get from drinking alcohol before they do something frightening

go Dutch INFORMAL to agree to share the cost of something, especially a meal

Chinese puzzle /ʊtʃaɪ.niːzɹɒz.l □/ *noun* a situation that is complicated and difficult to understand

∪ **Russian rou** ∩ **lette** *noun*... FIGURATIVE *Doctors' refusal to take the issue seriously is **playing** Russian roulette **with** (= taking unnecessary risks with) ordinary citizens' health.*

Mexican ∩ **stand off** *noun* AUSTRALIAN a situation in which people on opposite sides threaten each other but neither tries to come to an agreement.

Еще большую информацию предоставляют словари в Сети. Базирующиеся на электронных корпусах, содержащих множество примеров современного словоупотребления, онлайн-словари предлагают самые новые коллокации. Примеры словосочетаний, зафиксированных различными интернет-проектами, следующие:

Chinese copy an exact imitation or duplicate that includes defects as well as desired qualities

Chinese whispers the process by which a piece of information becomes less reliable each time it is told by one person to another [13];

Mexican wave an occasion when people watching a sports event stand up and sit down in groups, so that their movements look like a large wave moving through the crowd [12].

Нетрудно отметить определенную корреляцию между чертами, обыгрываемыми в анекдотах, и семантикой представленных коллокаций. Так, «голландской смелостью» названа бравада, возникающая после принятия спиртного; скупость отразилась в выражении, которое можно перевести как «платить по-голландски».

Новейшие коллокации представлены в так называемых «wiki»-проектах. Один из таких словарей, *Urban Dictionary* [16], создается и корректируется самими читателями. Настороженное отношение лексикографов к подобному рода справочникам неслучайно. Словарь, который может писать каждый, содержащий достаточно большое количество вульгаризмов, едва ли может быть назван авторитетным источником. Однако, как показывает практика, многие (но далеко не все) лексические единицы, впервые появившиеся в «wiki»-словарях, «открытых словарях» и подобных проектах волонтерской лексикографии [3, с. 50] и «lexicography for fun» [11, p. 259], становились позднее фактом языка. Итак, в *Urban Dictionary* находим [16]:

Russian Doll present

When you receive a gift that's been wrapped multiple times, causing you to rip away layer after layer of paper and wondering when it will finally stop while the person who gave it to you looks on with a sadistic grin. Funny the first couple of layers, but can get quite tiring soon

...Girl: I can't believe you gave me a Russian Doll present. I already unwrapped 32 layers and I'm still not close to my present!! I'm tired. *Throws box at Guy's head and leaves*

Guy: But I got you a ring!!

by BlueOrchid January 05, 2007

Russian Morning

Waking up after a night of drinking nothing but Vodka.

by Iatehisliverwithsomefavabeans August 01, 2013.

Необходимо отметить, что верифицировать существование данных коллокаций где-либо еще, кроме упомянутого выше словаря, не удалось.

В английском языке некоторые этнонимы, «помимо своих основных значений, в результате вторичной номинации приобрели дополнительные коннотативные значения, в которых зачастую проявляется стереотипное отношение к представителям различных этносов: *Chinese* “сделанный шиворот-навыворот, неудачный”, *to Jew* “торговаться, мошенничать”, *Scotch* “скупой, прижимистый”, *Turk* “жесткий, грубый человек, тиран”» [8]. Вновь обратимся к словарям с целью изучения данного явления. Так, *Oxford English Dictionary on-line* дает следующие дефиниции [14]:

jew someone down

offensive bargain with someone in a miserly or petty way.

Irish

offensive (of a statement or action) paradoxical; illogical or apparently so.

in Dutch

US informal, dated *in trouble*: he's been getting in Dutch at school.

Следует отметить, что коннотация в представленных выражениях в основном отрицательная. Стереотипизированию как феномену свойственно фокусирование прежде всего на отрицательных чертах, их утрирование.

Не менее важной почвой для изучения стереотипов национальных характеров через язык являются пословицы и поговорки — поистине неисчерпаемый источник языкового свидетельства взаимоотношений наций. Русский язык особенно богат на поговорки, в том числе и содержащие этнонимы. Обращаясь к труду «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля, который был создан еще в 1862 году (сейчас этот до сих пор актуальный труд

удобно читать в электронном варианте [1]), находим множество интересных изречений с этнонимами:

Суший итальянец (т. е. пройдоха); Это — суший француз (т. е. говорлив и опрометчив); Замерз, как француз; Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается; Бог создал Адама, а черт — молдавана; На русском хлебе отъелся (говорят о сытых или богатых иностранцах); Немец без штуки с лавки не свалится; Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает); Настоящий немец (точен, педант, причудлив); Злее злого татарина.

Интересно отметить, что объектом русских поговорок становятся опять же в основном отрицательные черты представителей разных наций, известных русскому народу прежде всего по торгово-экономическим отношениям, а также конфликтам. Отсюда так много поговорок о таких качествах, как нечестивость, склонность к обману, обвесу.

В англоязычной лексикографии известен ряд словарей пословиц и поговорок. Редакторы *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs* Дж. Симпсон и Дж. Спик, например, предлагают следующие словарные статьи, содержащие этнонимы [15]:

England's difficulty is Ireland's opportunity; One Englishman can beat three Frenchmen; An Englishman's house is his castle; An Englishman's word is his bond; The only good Indian is a dead Indian; When Greek meets Greek, then comes the tug of war; What Manchester says today, the rest of England says tomorrow; Scratch a Russian and you find a Tartar; Sussex won't be druv; Yorkshire born and Yorkshire bred, strong in the arm and weak in the head.

Нетрудно заметить многочисленность английских поговорок, высмеивающих британцев из «чужого» региона. При этом автостереотип, созданный англичанами, весьма симпатичен и базируется на таких качествах, как честность, порядочность, семейственность.

Стереотип и стереотипизирование — явления сложные и неоднозначные. Схематично выстроенные модели наций и их представителей в основном конструируют и пропагандируют отрицательный, самый непривлекательный образ. При одностороннем, непрофессиональном и предвзятом отношении к стереотипам национальных характеров опасность этностереотипизирования заключается в невозможности межкультурных связей, основанных на толерантном отношении, в формировании искаженной картины мира, а в историческом и политическом ключе — в развитии националистических теорий. Согласимся с Д. Обукаускайте, которая в своем диссертационном исследовании писала: «...и русское, и английское общество разделяет терпимые взгляды в отношении других национальностей только на словах. Реальное употребление в речи наших современников в России и Англии оскорбительных и насмешливых прозвищ других национальностей говорит о том, что мы оказались плохими учениками наших языков, в которых столь значимое место занимает понятие терпимости, или *tolerance*» [7, с. 29]. При этом изучение этностереотипов в лингвистическом и лексикографическом ключе может стать поводом к осознанию богатого исторического опыта взаимоотношений между нациями, закрепленного в языке. Без правильного декодирования значений некоторых коллокаций с этнонимами, без знания исторических предпосылок возникновения фразеологизмов невозможно понять определенные исторические, литературные и культурные аллюзии, а также порой невозможно воспитать толерантное отношение к представителю другой нации.

Библиографический список

1. *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. URL: <http://www.megabook.ru/DictionariesPageArticle.asp?AID=122554&DictId=20&page=dictionaries> (дата обращения: 25.09.2011).
2. *Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И.* Межкультурная коммуникация : системный подход. Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. 192 с.
3. *Карпова О. М.* Английская и шотландская лексикографии: истоки, развитие, современное состояние // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1. С. 47—54.
4. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербург. востоковедение, 2006. 624 с.
5. *Мельникова А. А.* Язык и национальный характер : взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб. : Речь, 2003. 320 с.
6. *Миловская Н. Д.* Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2011. 38 с.
7. *Обукаускайте Д. С.* Толерантность и выражение отношения к другим национальностям в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. культурологии / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 29 с.
8. *Панин В.* Этнические стереотипы в английском языке // Languages and Literature. 2009. № 22. URL: <http://frgf.utmn.ru/mag/22/47> (дата обращения: 21.01.2014).
9. *Попова М. К., Бороздина П. А., Тернова Т. А.* Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 176 с.
10. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 1 electron. opt. disk (CD-ROM).
11. *Карпова О. М.* A New type of a cultural dictionary with special reference to Florence // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 256—267.
12. Macmillan Dictionary on-line. URL: <http://macmillandictionary.com/> (дата обращения: 26.01.2014).
13. Merriam-Webster Dictionary on-line. URL: <http://merriam-webster.com> (дата обращения: 26.01.2014).
14. Oxford Dictionary on-line. URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 26.01.2014).
15. The Concise Dictionary of Proverbs. 3rd ed. / ed. by J. Simpson, J. Speake. Oxford : Oxford University Press, 2003. 364 p.
16. Urban Dictionary. URL: <http://urbandictionary.com> (дата обращения: 26.01.2014).

РЕЦЕНЗИИ

К. М. Денисов

ВАЖНАЯ ВЕХА В СОЗДАНИИ НОВОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ: ПЕРВИЧНЫЕ ПОСТУЛАТЫ ТЕРМИНОДИДАКТИКИ

Рец. на кн.: Табанакова В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2013. 207 с.

В последние годы в отечественном и мировом языкознании и смежных с ним специальных дисциплинах наметилась тенденция к изучению *авторского дискурса*. Книга известного терминоведа Веры Дмитриевны Табанаковой является одним из подобных новаторских антропоцентрических исследований. Она привлекает внимание глубиной лингвистического анализа механизмов интерпретации и перевода авторской терминологической лексики в метапрагматическом аспекте.

Позволим себе ввести собственный авторский термин, который, как нам представляется, подчеркнет основной пафос книги и стратегическую задачу, поставленную в ней автором. Это слово — *терминодидактика*. В. Д. Табанакова формулирует постулаты обращения с термином в процессе познания его сущности и функциональной предназначенности, тем самым открывая перспективу создания новой отрасли терминоведения.

В ходе написания книги автор обращается к исследованиям «в органически связанных с лингвистикой областях знаний — психологии, философии, формальной и содержательной логике, лингвокультурологии, герменевтике, логической семантике, нейролингвистике, методике преподавания языков, переводоведении. Такой интегрированный подход помог переосмыслить ситуацию *перевода термина в тексте*, сделать ее многоплановой и многоуровневой для переводчика» [3, с. 8]. Тем более примечательным является тот факт, что сложный и кропотливый труд по учету всех возможных интегральных признаков эффективного перевода позволил автору создать весьма простую и универсальную модель процесса перевода, стадийный алгоритм обращения с авторской терминологией в контексте специфической культурно-языковой среды.

Актуальность монографии В. Д. Табанаковой объясняется прежде всего по-прежнему невысоким уровнем терминологической грамотности студен-

---

© Денисов К. М., 2014

тов-филологов, необходимостью внедрения терминоведческих знаний и приемов терминографического и интерпретационного анализа в практику преподавания иностранных языков в отечественной высшей школе. Автор, чувствуя этот познавательный дефицит, намеренно формулирует главы и параграфы своего труда в виде вопросов, обращенных к себе самой, студентам и аспирантам, коллегам и академическому сообществу в целом.

Уже в предисловии Вера Дмитриевна приводит развернутое толкование понятия *авторский термин*, которое трактуется как предназначенность и функционирование специальной лексики в качестве инструмента передачи авторского концепта, авторского отношения, авторской предикации, авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе [3, с. 6]. Особенно подчеркивается положение о невозможности отнести авторские термины к какой-либо терминосистеме вне контекста, вне ситуации, вне дискурса. Именно дискурс как непосредственная действительность языка позволяет, по словам автора, «заглянуть в план содержания», определить значение термина и подобрать к нему переводной эквивалент [там же].

В первой главе книги, посвященной взаимодействию языкознания и LSP, дается краткая характеристика понятий *язык*, *терминология*, *терминосистема*, *моделирование научного знания*. Автор демонстрирует возможности собственно лингвистических методов анализа (словообразовательного, морфологического, лексико-грамматического и семантического) в процессе моделирования *терминологии*. В моделировании *терминосистемы* применяется дефиниционный и категориальный анализ. Категориальный анализ используется, в частности, для прикладных целей — создания справочников и установления межъязыковых словарных соответствий.

Вторая глава книги представляет собой краткую ревизию воззрений о термине. Автор предлагает собственный алгоритм терминопознания. В противовес толкованиям о произвольности термина-знака он рассматривает концепцию мотивированности термина-слова как особого знака, совмещающего потенциал первичной номинации языкового понятия и вторичной номинации некоего кванта специального знания, содержание которого проявляется через отношения системности и дефинитивности, формирующих свойства и уровни терминологичности любой единицы специальной номинации. Семантика термина, по словам автора, начинается с раскрытия структуры и функции логической категории понятия как основной минимальной единицы знания.

Наряду со специфической номинативностью, термину присуща предикативность, то есть «отношение к понятию, им обозначаемому, к месту, которое оно занимает в структуре знания, и другим понятиям системы, к возможной интерпретации объема и содержания понятия» [3, с. 79]. Тем самым подчеркивается возможность исторической модификации как самого понятия, так и словоформы, его означающей. Авторским термином В. Д. Табанакова считает единицу авторской логико-понятийной системы как результата самостоятельного взгляда на предмет научного анализа.

Важность этого фактора развития науки в целом подчеркивал еще Л. В. Щерба, который высказывал пионерскую в те времена мысль о том, что точка зрения ученого определяет объект исследования. Взгляды ученых, в свою очередь, меняются со сдвигами, происходящими в национальных культурно-гносеологических парадигмах. Автор приводит упорядоченный список терминологических предикаций как отражение проблематики так называемого функционального терминоведения, затрагивающего вопросы взаимодейст-

вия меняющихся терминосистем в связи с поступательным движением языков и культур [3, с. 64—66].

Прагматический смысл термина проявляется в научном дискурсе. Особенности функционирования термина в речевой деятельности и тексте посвящена третья глава. Она затрагивает, в частности, аспекты сочетания логического и образного в научном дискурсе и процессы фокусирования этого симбиоза в терминологических единицах. Обширный второй параграф представляет особый интерес, поскольку дает пример аппроксимации абстрактного научного континуума к практике учебного процесса овладения научной терминологией на этапах систематизации, закрепления и воспроизведения знаний.

Автор предлагает оригинальную методику *образного моделирования* в рамках спецкурса «Основы специальности “лингвист-переводчик”». В. Д. Табанакова подчеркивает, что «дефиниционный анализ текста словарного определения в учебных целях может быть использован для вычленения специальных признаков определяемого понятия, а также как материал для сопоставительного анализа разных авторских определений и их обобщения в целях максимально полного определения-описания специального понятия» [3, с. 111].

Далее в этой главе автор устанавливает параметры специального словаря, называя его способом концептуальной организации знаний. Современные тенденции развития лексикографии указывают на необходимость создания LSP-справочников нового поколения, которые представляют собой, во-первых, удобные и подробные навигационные инструменты в понятийном поле описываемой отрасли знания; во-вторых, средства обучения владению метаязыком этой науки; в-третьих, компактные и информационно достоверные специализированные учебные пособия для подготовки и совершенствования специалистов и решения более широких научно-просветительских задач.

Специальный словарь рассматривается автором в качестве логико-понятийной модели терминосистемы. В нем семантика термина раскрывается словарными переводными соответствиями. Общие переводные словари показывают место терминологического значения в семантической структуре слова и тем самым фиксируют функциональный статус термина в общелитературной лексике национального языка.

Одним из приоритетов современной лексикографии, как отмечает О. М. Карпова, является изучение *перспективы пользователя* словарно-справочной литературой [2, с. 57—59]. Действительно, словарь как продукт массового спроса, создаваемый специалистами-лексикографами, призван учитывать практические нужды потребителя в получении и использовании многоуровневой информации.

В этой связи В. Д. Табанакова подчеркивает необходимость совершенствования способов подачи терминографической информации в словаре LSP, поскольку очень важные для потребителя аспекты прагматики термина, связанные с его функционированием в речи, остаются открытыми. Среди аспектов прагматики термина, не нашедших отражения в переводных словарях справочного характера, отмечаются: *полнота представления семантики термина, устаревшие употребления термина, степень взаимозаменяемости терминов-синонимов, стилистическая ограниченность терминов, семантические новации.*

Величина коэффициента потребительской перспективности каждого отдельного словаря, таким образом, зависит прежде всего от его функциональной состоятельности, то есть степени того, насколько эффективно словарь справляется с поставленной прагматической задачей в различных условиях использова-

ния. Исходя из сказанного следует предположить, что надлежащее структурное оформление и высокая полиграфическая репрезентативность словаря являются производными от его функциональных параметров [1, с. 51].

Последняя, четвертая глава монографии носит название «Авторский термин: понимаю, интерпретирую, перевожу». Предыдущие главы концентрируют в себе знание о термине в логико-когнитивном, системном и прагматическом аспектах, то есть знание как пропозицию понимания сущности любого терминологического образования в речевом континууме. Особенно эти знания важны для перевода так называемых авторских терминов, под которыми В. Д. Табанакова подразумевает авторское отношение, авторскую предикацию, авторскую интерпретацию специального понятия в тексте и дискурсе [3, с. 142]. В этом, на наш взгляд, заключается ядро функциональной терминологической методологии выработки собственной концептуальной парадигмы у будущих исследователей.

На завершающем этапе процесс терминопознания включает процедуру анализа термина на предпереводческом и переводческом этапах. Моделируя общий алгоритм «понимания» авторского термина, В. Д. Табанакова выводит пять основных постулатов авторской терминологической парадигмы.

1. Авторский термин отличается в плане содержания своей концептуальной нагрузкой, многозначностью и предикативностью, а в плане выражения — морфологической, лексической и категориальной мотивированностью.

2. Процесс понимания авторского термина осуществляется на трех уровнях: образного мышления, категоризации, концептуализации. Семантизация авторского термина рассматривается на трех этапах: восприятия, интерпретации, перевода.

3. На этапе *восприятия* мы прочитываем авторский термин, фиксируя прямое лексическое значение морфем и лексем, его составляющих. Анализ лексико-грамматической формы термина-знака позволяет вскрыть его лексическую, категориальную и понятийную мотивированность.

4. На этапе *интерпретации* мы обращаемся к контекстуальному значению, которое ограничивает объем и содержание специального понятия.

5. *Перевод* авторского термина как поиск лингвистической формы для специального понятия в другом языке становится обобщающим, завершающим и определяющим шагом в процессе понимания термина, поскольку поиск переводных соответствий и проведение переводческих трансформаций происходит на всех уровнях языка и речи: морфологическом, лексическом, синтагматическом, парадигматическом и прагматическом [3, с. 196].

Таким образом, основная ценность книги заключается в ее обучающей направленности. Этот труд следует рекомендовать как настольное пособие для лингвистов и терминоведов любого уровня.

Библиографический список

1. Денисов К. М. Словарь фонетических терминов как языковое и метаязыковое учебное пособие // Известия вузов. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, вып. 1. С. 48—53.
2. Карпова О. А. Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Академия, 2010. 175 с.
3. Табанакова В. Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2013. 207 с.

«ELT PROFESSIONAL DEVELOPMENT»: УЧИМСЯ ОБУЧАТЬ ЯЗЫКУ

5—6 декабря 2013 г. по инициативе кафедры английской филологии ИвГУ состоялся очередной, 19-й по счету, научно-методический семинар профессионального развития «ELT Professional Development» для школьных учителей и вузовских преподавателей английского языка. Ежегодный семинар организуется благодаря поддержке Офиса английского языка Посольства США в Москве, с которым ИвГУ связывают долгосрочные партнерские отношения. Более 60 учителей из Иванова, Комсомольска, Кохмы, Кинешмы, Юрьевца, Приволжска, Тейкова и других городов Ивановской области приняли участие в интерактивных презентациях Эрика Ланделла, сотрудника американского посольства, ведущего специалиста в области методики преподавания иностранных языков.

В первый день своего визита в ИвГУ г-н Ланделл прочитал лекции студентам отделения английского языка и литературы факультета РГФ. Первая лекция «My Family, My Home and My Neighbourhood», о жизни типичной американской семьи среднего класса, вызвала у студентов массу вопросов. Они хотели узнать как можно больше об американском обществе, системе образования, традициях и праздниках Нового Света. Вторая лекция «Teaching Vocabulary» была посвящена способам изучения и активизации иноязычной лексики, что для студентов-лингвистов и будущих преподавателей английского языка имеет немаловажное значение. Старшекурсники высоко оценили разнообразие тренировочных упражнений и интерактивных форм работы, пообещав опробовать их в ходе ближайшей педагогической практики в школе.

Следующий день был целиком посвящен работе со школьными учителями, которые отметили высокий профессионализм Эрика Ланделла, актуальность тематики предложенных презентаций и качество раздаточного материала. Презентация «Integrating Language Skills» была призвана доказать необходимость интегративного подхода к развитию основных навыков владения иностранным языком — аудирования, чтения, говорения и письма. Автором были предложены не только специальные методики, позволяющие комплексно развивать у студента все перечисленные навыки, но и разработки отдельных практических занятий по языку. Во второй презентации «Teaching Communicative Strategies», посвященной описанию коммуникативных стратегий и способам обучения им, автор подчеркнул необходимость изучения национально-культурной специфики стратегий и тактик коммуникативного поведения для правильной интерпретации отдельных речевых действий.

Большинство постоянных участников семинара являются членами Ивановской ассоциации преподавателей английского языка (Ivanovo English Language Teachers' Association — IVELTA). Членство в Ассоциации дает возможность не только участвовать в работе подобных семинаров, но и повысить свою квалификацию, обучаясь на бесплатных онлайн-курсах ведущих

специалистов в области преподавания английского языка, а также стажируюсь за рубежом. Так, благодаря Ассоциации несколько преподавателей кафедры английской филологии в разные годы имели уникальный шанс посетить США в рамках программы международных визитов «International Visitor Leadership Program», финансируемой Госдепартаментом США. Результатом участия в программе стали новые учебные курсы для студентов РГФ, учебно-методические пособия для изучающих английский язык и т. д. Материалы, собранные во время поездок в США, и опыт, полученный во время посещения лекций и общения с зарубежными коллегами, неоценимы в плане профессионального роста.

По окончании семинара, получив официальные сертификаты краткосрочных курсов повышения квалификации, учителя подчеркнули необходимость и важность проведения подобных встреч с носителями английского языка — профессиональными преподавателями, методистами высшей категории и выразили благодарность руководителю семинара Эрику Ланделлу, Офису английского языка Посольства США в лице Елены Лубниной, а также президенту Ивановской ассоциации преподавателей английского языка, заведующей кафедрой английской филологии ИвГУ, доктору филологических наук, профессору Ольге Карповой.

*Е. А. Шилова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии ИвГУ*

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2014. Вып. 1 (14). Филология**

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. А. Кручинина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 29.04.2014 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru